

Лунный Лик

Людмила Бешенцева

18+

Людмила Бешенцева

Лунный Лик

<https://litres.ru/73939693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ким Хиери — единственная омега в клане альф. Её судьба предрешена с детства: выгодный брак и рождение наследников. Но в последний учебный год в школе появляется новый учитель — холодный и невозмутимый Ву Ифань. Его запах сводит с ума, а взгляд заставляет забыть обо всём.

Хиери привыкла добиваться своего, но этот альфа не поддаётся на её уловки. Чем больше она пытается привлечь его внимание, тем сильнее понимает: между ними есть нечто большее, чем простая симпатия. Ифань хранит тайну, которую не решается раскрыть. А семейные обязательства неумолимо толкают Хиери к нежеланному союзу.

Сможет ли она выбрать свою судьбу? И что, если прошлое имеет привычку возвращаться?

История о первой любви, которая длится тысячу лет.

Содержание

Глава 1: Начало Присказки	4
Глава 2: Чем дальше в лес	26
Глава 3: Тем зубастей волки	44
Глава 4: Танцуют тени прошлого	67
Глава 5: В лунном лике	85
Глава 6: Поёт мне звездный лик	99

Людмила Бешенцева

Лунный Лик

Глава 1: Начало Присказки

Давным-давно, в один прекрасный день, в одной семье родилась я. Самое интересное, что семья эта была альф, и в нашем клане омега рождалась одна на десять самцов. Она и использовалась для выведения потомства с чистой кровью. До меня таковой являлась моя мать, что скончалась при рождении восьмого ребёнка. Этим ребёнком была я — долгожданная дочь после семи сыновей, и мне была уготована определённая судьба.

В три года ко мне в женихи уже посватались и даже сначала не хотели отпускать в школу на обучение. Но тут меня решил побаловать отец хоть и отдал на три года позже других детей, да и братья носились со мной, словно я хрустальная роза, которая в любой момент может разбиться. Так что это их вина, что вырастили они самую настоящую стерву с нарциссизмом в крови. Да и школа многое добавила к моей самовлюблённости, особенно в старших классах: пряча свой хвост и уши, я всё равно была весьма популярна даже среди людских альф и бет. Знали бы они, что во мне больше от волка — шугались бы, а так жадно раздевали взглядами.

Меня же они не интересовали. Вся моя жизнь была расписана по пунктам. Сразу после окончания учебного заведения нужно было родить наследника от сильного альфы своего же вида. Если в детстве это меня напрягало, сейчас я свыклась с реальностью и просто учусь от балды.

Директор и классный руководитель, зная о моей расе, и том что мне больше восемнадцати, давно плюнули на такую плутовку, как я. Иногда, конечно, подстёгивают, чтобы оценки поднять, но быстро забывают. Поэтому я радуюсь школьной жизни, разбиваю горячие мальчишеские сердца и успеваю отрываться — ведь остался последний год обучения, а там вольная жизнь закончится. От этого немного грустно и страшно, но эти страхи никому не ведомы. Братьям-альфам этого не понять, а мои инстинкты молчат.

Нет, может, никогда и не появится нужный человек, которому откроется моё остервенелое сердце.

Думая об этом, протяжно вздыхаю и растягиваюсь на парте пластом. Сегодня начался новый семестр, и, поговаривают, у нас будет новый молодой преподаватель. Это любопытно на самом деле, ибо нас учат одни старички.

Поэтому всё же лениво отрываю лицо от парты, когда входная дверь в класс отворяется. Все остальные устремляют взгляд туда же, тут же сталкиваясь с холодными зелёными глазами. Мужчина действительно молод, лет тридцати. Не сильно мускулист, просто у него очень ладная фигура, что хорошо показывает его строгий классический костюм в

крупную клетку. Начинаю осмотр с лаковых ботинок и, крадясь вверх сантиметр за сантиметром, натыкаюсь на серьёзное лицо, прячущееся за классическими очками. У учителя полные губы, нос с аккуратными крыльями и светлые белые волосы, уложенные в стильную причёску. Всё по моде, но напрягает меня не это, а этот сильный аромат арбуза, что удушаше манит. Набираю воздуха полную грудь и чувствую, как кружится голова. Такое со мной в первый раз, поэтому немного пугаюсь и решаю понаблюдать ещё, а не спать, как обычно.

Мужчина же, осмотрев каждого ученика ледяными очами, неспешно проходит в центр к доске и представляется:

— Здравствуйтесь, ученики. Меня зовут Ву Ифань. На этот год я буду вашим учителем, а также классным руководителем.

Голос у Ву очень мягкий, немного не сочетающийся с его внешностью. Выражение лица совсем безразличное и холодное, как атмосфера на ледяном гиганте. С этим настроением он начинает свой урок, отчего мой интерес немного угасает. Хотя кое-что задевает самолюбие. Передо мной явно альфа, а они всегда восхищаются моей красотой и сочным ароматом малины. Этот же на меня не то что не смотрит — попросту игнорирует. Это пробуждает во мне возмущение и даже злость. Не могу угомониться до трели звонка из коридора.

Как только тот звенит, мой взор закрывают пара альф, предлагая мне вкусняшки. Но меня интересует другое, по-

этому рассыпаюсь в благодарностях, огибаю толпу и плавно подхожу к учителю. Омежья обольстительность включается по щелчку пальцев. Откидываю прядь волос со лба, стреляю глазками и говорю нежно, воркуя как голубка:

— Господин Ву, я староста класса Ким Хиери, можете на меня положиться.

От близости с учителем по спине начинают бегать мурашки, а копчик ноет. Наверное, если бы было видно хвост, я бы им виляла. Взгляд напротив как притягателен, так и обжигающе холоден. Он кивает машинально и отвечает отстранённо, словно перед ним не симпатичная омежка, а стена.

Уходит преподаватель, даже не обернувшись. Иду следом, даже не задумываясь, а когда до меня доходит, что я преследую его, резко торможу, спотыкаясь о свои же шнурки и падая в объятия одноклассника Чанёля. Тот, как всегда, обходительно ставит меня на ноги и говорит на ушко:

— Хиери, ты бы запах не распространяла. Мне-то вот всё равно, а другие скоро в тебе взглядами дырки протрут.

Оглядываюсь и вижу эту картину чистой похоти. «Ну вот снова!» — раздаётся в моём мозгу. Да, альфы пускают на меня слюни с детства, так что выхода нет. Но есть всегда вариант заpastись надёжными друзьями, что уже в паре и смогут отпинать любого недруга. Такими являются немногие, но, например, Чани, Чонин и Бекхён давно обзавелись своими истинными. У них свобода выбора, они просто люди со звериным полом. Им не приходится следовать правилам се-

мый и сохранять чистоту крови.

Остальной день пронесется как-то быстро, и все мои мысли об одном человеке. Не знаю, что так зацепило меня в поведении учителя, но меня одолевало острое желание соблазнить этого человека.

— Чтобы он покорился мне, сходил с ума от любви, — уже дома недовольно бурчу в ванной, рассматривая своё отражение после душа.

Почему не удалось зацепить препода? Ведь есть на что посмотреть: модная стрижка с одним выбритым виском, волосы красивого каштанового оттенка, да и личико изящное. Всё же верх берут гены — полулюди не бывают уродами.

— Бесит! Бесит! Бесит! Странный! Айщ...

Колочу кулаками собственное отражение, придумывая интересный план. Не я ли самая популярная омежка в школе? Мне и только мне под силу соблазнить такую ледышку. После принятого решения злость отступает.

Выхожу на ужин довольная и попадаю в объятия старшего брата Минхо, который стискивает меня до хруста костей. В отместку изворачиваюсь и пинаю его, смеясь вместе с ним в голос. Братья любят меня потискать и поиграться, словно мы, как и в детстве, всего лишь щенки.

Не успеваю сбежать от одного братишки, как меня ловит Тао и треплет за волосы, портя наведённую причёску. Шикаю на него и колочу шутя кулаками. Единственным моим спасителем становится Исин, который утаскивает меня за

стол и ставит перед носом тарелку, грозно рыча на остальных шалопаев моей семьи:

— Дайте ей уже поесть! У вас только хиханьки да хаханьки, а ребёнок-то голодный!

Те сразу притихают и тоже садятся за огромный стол. Едим бодренько, болтая ни о чём. Тёплая атмосфера немного тушит моё подавленное желание обладать определённым человеком, отчего и ночью сплю спокойно без сновидений и мучений.

Однако спокойствие рушится, когда на следующий день в коридоре почти налетаю на учителя Ву. Снова внутренне дрожу от его аромата. Мысль крепнет в мозгу. Отлавливаю на крыше свою компанию и, подсаживаясь к Бекхёну, говорю загадочно:

— Беки, сможешь мне кое-что проверить?

Она кивает, соглашаясь, даже не спрашивая, какая безумная идея пришла в мою голову на этот раз. Тогда набираюсь смелости и нашептываю свой план омежке на ухо:

— Я хочу, чтобы ты заперла меня с новым учителем в подсобке.

— Оу, ты случаем не влюбилась? — переспрашивает Беки.

Замираю от подобного предположения, как лань под дулом пистолета, следом же отворачиваюсь от острого любопытного взгляда и говорю беззаботно:

— Нет, конечно. Это будет лишь невинной шалостью.

Пусть директор подумает, что он ко мне приставал. Я же немножко изображу жертву. Всколыхнём школу.

Похоже, оправдание работает, так как омега подмигивает мне и пожимает руку. По итогу к нашему плану присоединятся ещё Чани и Хуни. Вот только подходящий момент подворачивается лишь к концу учебного дня. Тихо преследую учителя, идя за ним до подсобки, где хранится учебный инвентарь — от карт и глобусов до проектора. Конечно, придумываю себе алиби для невинности и болтаю без умолку:

— Учитель Ву, я бы хотела узнать ваше мнение о предстоящих мероприятиях. Будем ли мы собирать деньги?

Альфа на это снова не реагирует, лишь бросает крайне небрежно:

— Скоро будут готовы графики, там всё распишу. Не нужно ходить за мной!

Даже спотыкаюсь от холода его слов, но всё же захожу следом в подсобку. Почти сразу слышу, как поворачивается дверной замок. Господин Ву слышит это же, и его бровь от удивления поднимается вверх на миллиметр. Потом его взгляд скользит ко мне, а я теряюсь, потому что хочется сгореть от стыда.

Повисает долгое тяжёлое молчание, и первым его нарушает альфа:

— Нас по твоей задумке заперли?

Впадаю в ступор от таких праведных подозрений, но сразу включаю невинного ангелочка, пожимаю плечами, обхва-

тывая себя руками в защитном жесте:

— Нет, что вы, это бы испортило мою репутацию!

Ответ выходит убедительным, потому что учитель пыхтит и, тяжело вздыхая, говорит:

— Ну-ну! Как скажешь, девочка...

— Я вам не ребёнок, — перебиваю, надуваясь как морской ёж, — и у меня есть имя, зовите меня Хие.

Протараторив это, неловко замолкаю, пряча руки в карманы джинс.

— По-моему, тебя зовут Хиери, или в прошлый раз мне послышалось? — парирует мужчина, решив навести уборку на полочке, явно чтобы занять руки.

— Хие меня называют друзья и мой фан-клуб, — бубню себе под нос, взглядом изучая потолок.

У меня сейчас распирает лёгкие от запаха пыли и арбуза. Перед глазами чуточку плывут круги, и сохнет язык во рту. Всё это очень сильно напоминает течку. Но по циклу до этого чудесного действия ещё далеко. Пытаюсь задержать дыхание, сжать кулаки, хотя это не приводит к облегчению. Сама не знаю, как получается так, что дышу рвано носом и прижимаюсь к учителю. Тот удивляется, а когда оборачивается, сразу же отталкивает. Но этот человек не злится, просто обнюхивает, а потом говорит ровным голосом:

— Ты вроде взрослая совершеннолетняя девушка, а за течкой не уследила. Мой телефон остался в кабинете, давай свой.

Пытаюсь слушать его, но все попытки сосредоточиться приводят только к послушному кивку. Протягиваю телефон, разблокировав его перед этим, и чуть не скулю от жажды секса. Тут-то и появляется основная проблема: наружу рвутся хвост и уши. Напрягаюсь не на шутку, цепляюсь за рукав учителя, слыша через мутную пелену сознания отголосок его разговора — кажется, с Бэксёном:

— Ученица, отпирайте нас, у твоей подруги началась течка. Нам нужно в медкабинет.

Внутри же меня напряжение только нарастает, аромат арбуза начинает почти что душить. Пугаюсь, слыша шаги неподалёку, и жмусь теснее к альфе, всё-таки всхлипывая вслух. Хвост от переизбытка гормонов в крови вылезает наружу, отчего свободные джинсы съезжают ниже на бёдра. Уши же поднимаются, улавливая неисчислимое количество звуков. Поражает до глубины души то, что учитель Ву не поражается моей звериной натуре. Только озадаченно изучает взглядом, а потом снимает пиджак и навязывает мне на бёдра, пряча в плотной ткани виляющий хвост. Чтобы прикрыть уши, также снимает и жилетку, накидывая её мне на голову. А меня всё это не на шутку смущает, ещё и сердце трепещет в рёбрах, как поющая по весне пташка. Не успеваю даже прошептать спасибо, как дверь отпирает Бексён. Почему-то вздох после встречи наших взглядов выходит разочарованным. Однако тут встаёт проблемка посерьёзнее: от сильной течки и пульсации в животе не могу сделать и шагу.

Поражённо охаю, когда альфа, понимая ситуацию, легко подхватывает меня на руки и выносит из тесного пространства. По пути к медпункту неосознанно, как щенок, утыкаюсь носом ему в шею, тыкаясь кончиком в часто пульсирующую вену и трепеща всем существом. Ведь в этой точке запах намного отчётливее, и к арбузу добавляется ещё совсем не сочетающаяся нотка хвои.

Даже робею на пару секунд, встречая двойной аромат, ведь обычно у альф всё проще. Но тут явно другой случай. Неясная тяга не пропадает даже тогда, когда меня оставляют на кровати, ставят укол и проветривают зал. Даже учитывая, что рядом не мельтешит наш классный, при мысли о нём чувствую, что готова на стену лезть.

Домой меня доставляет самый старший брат Джонхён, отпрашиваясь ради этого с работы. Да и некому больше: он единственный, кто обзавёлся омегой и не реагирует на посторонние запахи. Да и сейчас течка странновата: сразу после укола она испарилась, оставив в теле всего лишь слабость. Однако в моей комнате всё равно всё запирают, чтобы я не смогла сбежать, когда башню снесёт, и чтобы никто не посмел ворваться к невинной девственной омежке — точнее, ко мне.

§§§§§§§§§§§§§§

В неволе пришлось отсиживаться три дня для проверки. Потом меня выпустили, извинились и закупили всяких вкусняшек. Начали баловать по-новой, хотя мне уже не восемь.

Тэмин даже купил арбуз — и вот на нём-то я и подвисла. Потому что нахлынули воспоминания: горячее тело рядом, мужские сильные руки, в которых было так надёжно и волнующе. Лицо моментально покрылось румянцем, а сердце в груди бросилось выделять диковинные трюки. Мне срочно нужно было выслушать совет на эту тему, но спрашивать чурбанов-братьев было бесполезно. Поэтому я решила отложить советы на завтра — ведь допытывать Беки весьма интересно. Отлично помню, как он проболтался об их первом разе с Чанёлем.

Решение было принято. Вот только ночью совсем не спалось. Моё лицо горело от мысли, что уже завтра я смогу увидеть учителя Ву. Интересно, он снова будет одет в строгий костюм и свои круглые очки как у старушки? Смеюсь в подушку заливисто и снова ощущаю, как трепещет сердце и всё нутро. Бессонная ночь сказывается на моём внешнем виде утром. Не спасает даже лёгкий макияж — синяки светят под глазами как ночные звёзды. Конечно, это не уходит от внимания моих друзей. Чонин, как обычно, подкалывает:

— Судя по твоему виду, течка прошла удачно. Неужели твой цветок был сорван?

Отвешиваю ему подзатыльник, расстраиваясь ещё и от того, что единственный учитель, который волнует моё сердце, в этот самый момент проходил мимо и всё слышал. Настроение тут же улетучилось. Решаю пропустить первый урок и, схватив Бекхёна за руку, тащу его за собой на крышу. Он

явно был удивлён моему настроению, но хотя бы не сопротивлялся.

Наше дыхание сбивается от бега, но быстро приходит в норму после отдыха на возвышении. Друг рассматривает меня с любопытством — просто пилит взглядом, но ничего не спрашивает, дожидается, когда взорвусь как бомбочка.

Приходя в себя, прячу глаза и задаю интересующий меня вопрос:

— Скажи, Бекки, а как ты поняла, что Чанэль — твоя истинная пара?

Омега сладко улыбается, но сдерживает комментарий и расплывчато произносит:

— Ну, об этом говорят твои инстинкты. Например, при первой встрече тот дылда меня взбесил, но не выходил из головы. Все мысли всегда сходились на нём, а потом я ощутила его запах. Тогда и развеялись все сомнения, и мы по итогу стали парой. Никогда в жизни не забуду первый поцелуй.

— Ясно... — выдыхаю свою благодарность и хочу уйти, но он тормозит меня, придерживая за рукав, и спрашивает:

— Значит, ты влюбилась в кого-то?

Отрицательно качаю головой, однако внимательный взгляд подруги разоблачает получше детектора лжи. Тяжело вздыхаю и почему-то отвечаю шёпотом:

— Я кажется немного залипла на нашего классного. Из-за его запаха у меня началась течка, по циклу её быть не должно.

Лицо мгновенно начинает пылать, закрываю его ладонями и думаю, что попалась по-полной. Реакция Бекхён, как всегда, позитивная: она легко обнимает меня, а потом вещает с загадочной улыбкой на губах:

— Тогда, Хиери, тебе надо признаться учителю в своих чувствах...

— А что, если он откажет? — перебиваю его и отрицательно мотаю головой.

Его руки сжимают мои плечи настойчиво, а потом он продолжает свой прерванный монолог:

— Тебе ведь нечего бояться. Зато если он примет твои чувства — у вас будет почти год сладких отношений. Если же нет — в школе уйма других альф, сможешь забыть. Плюс, что будет, если ему признается кто-то другой? Учитель Ву красивый мужчина, и многие на него уже распустили слюни.

Вздрагиваю только от мысли, что альфа будет зажиматься с кем-то другим, сердце сразу болезненно сжимается.

Молча соглашаюсь, и мы возвращаемся на урок, хотя всю идёт перемена. Как-то наш разговор затянулся с моими выпаданиями из реальности.

Весь следующий урок думаю о том, как же признаться учителю. Нельзя же посреди занятия подойти и сказать прямо в лоб: «Учитель, я люблю вас!» — кончится это явно плохо: как минимум, просто увольнением альфы из престижной школы; как максимум — обо всём узнает моя семья. Вот это будет худший исход.

Размышляя, взглядом натыкаюсь на сцену за окном. Там стоит парень и девушка-бета из смежного класса. Она протягивает ему письмо, усыпанное сердечками. От колокольчика, звякнувшего в голове, чуть не гложу. Идея же супер — написать письмо и не светиться вместе. Можно же подложить такую записку в тетрадь, когда будем сдавать домашку.

«Гениально и просто!» — думается мне, но уверенность пропадает, когда перед глазами лежит листок персиковой дорогой бумаги, а руку обжигает ручка с красными чернилами. Не могу из себя выдавить и пары строк. В голове пустота, и в ушах звенит от стресса. Как лучше выразиться? Написать: «Я вас люблю!» — как-то до скукоты банально. Что же такое придумать, чтобы признание не выглядело по-детски? Ещё и невозможно сосредоточиться: в соседней комнате братья устроили очередную драку. Вроде взрослые альфы, а ведут себя хуже младшекласников. Затыкаю уши берушами, а потом аккуратно рисую нужные слова, как мне кажется.

«Ифань, я чувствую, что вы мой истинный. Поэтому, пожалуйста, полюбите меня!»

Потом перечитываю получившиеся строки, краснею и сминаю признание в комок. Боже, ну какой он мне Ифань? У нас же немалая разница в возрасте. От неудачи немного свирепею, нервозности добавляют и звуки, от которых не спасли даже беруши. Вскакиваю и иду к братьям, раскрывая дверь с пинка и видя уже знакомую картину. Чондэ, заливаясь смехом, тормозит длинные волосы Лери, тот же злится на него,

сверкая своими голубыми глазами. На эмоциях быстро застигаю этих двоих врасплох, хватая парней за хвосты и болезненно дёргая, и кричу на весь дом:

— Хватит шуметь, отродья дьявола! Я к тесту готовлюсь!

Братья мгновенно замолкают, принимают и с испугом спрашивают в голос:

— У тебя случайно завтра течка не начнётся? Чего злая такая?

Вспыхиваю и отвешиваю занудам по подзатыльнику, не удосуживая ни одного ответом. Снова возвращаюсь в комнату и решаю упростить всё, думая о том, что сама не из трусливых. Беру новый лист и пишу всё лаконично и просто:

«В субботу, в кафе напротив школы, ровно в двенадцать. Давайте встретимся!»

Потом положила записку в конверт и плотно залепила, написав имя получателя красивыми иероглифами.

§§§§§§§§

В день «икс» с самого утра у меня руки дрожали. Я старалась не смотреть на учителя Ву и вообще не подавать признаков жизни. Однако когда сдавали тетради, я незаметно подложила записку о встрече, искренне надеясь, что альфа не выкинет письмо и придёт в назначенное время и место. Хотя узнаю я об этом только через два дня, и от этого сердце болезненно ноет. Напрягало и то, что день перед встречей был выходным у альфы, и его не было в школе. Мне же было необходимо до боли узнать его реакцию на записку, ведь

в предыдущие дни я видела, как он пилит меня недовольным холодным взглядом. Даже повесил сбор денег с класса на меня одну и организацию творческого мероприятия на фестиваль заодно. Мне лишь силой удалось заставить местных лентяев-альф и бет хотя бы спеть. Согласились лишь тогда, когда я пообещала разобраться с костюмами и написать песню, что у меня получалось на славу — благо слух был.

Сочинением я занялась в ночь накануне признания. Мои новообретённые чувства моментально переродились в тихую мелодичную балладу, да и слова получились трогательно-романтичными. Во всём этом чувствовалась надежда на любовь, на отношения. На то, что один-единственный человек сможет стать смыслом жизни для полюбившего. Это было даже как-то слишком легко. Хотя всех омег с младшей школы приобщают к музыке и творчеству для раннего обнаружения талантов. Я же обожала творчество, любила петь песни собственного сочинения, играть на музыкальных инструментах и писать свою музыку. В своё время это было мечтой. Была даже рок-группа в средней школе, где я выступала басисткой и певицей. Но моя судьба — являться надеждой моей семьи. Всё это было сломано и разрушено насовсем вместе с гитарой, что разлетелась напополам под мои жалостные крики. Так и закончились грёзы, оставив место только для реальности. Я смирилась со всем. Долг клана — мой долг, других раскладов не дано. Да, я могу делать вид, что противлюсь этому, но прекрасно знаю, что буду лишь инкубатором

для волчат. Истинность, любовь — на это осталось очень мало: год, не больше. Так что это мой единственный шанс найти выход из лабиринта, ну или хотя бы пожить всласть с тем, кого люблю.

Ночь принесла мне странный сон в пожухших красках. В нём я была в теле волчицы и бежала по сухим скрипящим листьям. Мне не было холодно, над головой пекло осеннее солнце. В душе царил покой, мой взор устремился за спину — ведь там кто-то бежал следом. До боли родной волк, белоснежного цвета. Моё сердце точно принадлежало ему.

Моя суббота начинается с трели будильника на телефоне и учащённого сердцебиения. Сон встрепенул все мои потаённые чувства и надежды. Придя окончательно в себя и сев в кровати, я даже не знала, за что взяться, что сделать сначала. Может, выбрать наряд или помыть голову и привести манифик на голове? Остановилась в итоге на завтраке из яиц, следом всё же зависнув в гардеробной. Спустя полчаса мук моё стройное тело украсили чёрные джинсы и свободная рубашка в клетку с застёгнутыми пуговицами на шее и без воротника. Дополнили образ клипса на левом ухе и удобные кроссовки. Для признания такой образ подходил хотя бы тем, что не выделялся из толпы. Не было похоже, что я специально готовилась. Руки дрожали, когда садилась в такси, горло сохло от нервов. Но мандраж стал куда заметнее за столиком в кафе. зуб не попадал на зуб, а руки постоянно потели.

Так мне пришлось выждать целый час. И вот в конце, ко-

гда последняя надежда почти иссякла, вдруг дверь кафе тихонько скрипнула, впуская высокую фигуру. Сегодня господин Ву был одет в комфортную одежду уличного стиля, совсем не так, как обычно. Моё сердце даже пропустило удар, и я, не осознавая, что делаю, подняла руку вверх, подзывая альфу к своему столику. Он же обдал меня холодным взглядом, еле заметно отрицательно кивнул и, резко развернувшись, вышел. От такого отношения у меня внутри всё замерло, и я бросилась вслед, догнав учителя уже дошедшего до поворота. У меня жгло лёгкие от бега, но краткое:

— Подождите! — мне из себя выдать удалось.

Альфа остановился и медленно развернулся, осведомившись безразличным голосом:

— Что тебе нужно, ученица?

Мне было больно от ледяного холода, исходящего от этого человека. Не привыкшая плакать в жизни, сейчас я готова была разрыдаться, даже несмотря на то, что звери сильнее и эмоционально, и физически. Собеседник же, видя мой ступор, снова хотел уйти, успев обернуться. Мои эмоции взорвались от этого ярким фейерверком, рука устремилась к локтю напротив, а голос сорвался в признании:

Я люблю вас, вы моя истинная пара! Прошу, полюбите меня!

Учитель Ву после моих слов застыл на месте, но так и не обернулся. Хотя и дал мне ответ своим ровным голосом с хрипотцой:

— Извини, Хиери, но в моём жизненном плане нет места омеге. Я не собираюсь заводить семью или же отношения, поэтому лучше тебе поскорее забыть о своих детских чувствах.

Его ответ резанул по живому, как тесак, вонзился в плоть и раскромсал сердце в фарш. Руки, держащие его руку, разжались сами. Я просто смотрела, не моргая, в спину альфы, не в силах закричать от боли на всю улицу. «Это как-то неправильно, так не должно быть!» — шептало моё изорванное в клочья сознание. Природный инстинкт не мог обманывать, так не могло случиться.

Такие мысли стали для меня брызгами воды в лицо. От чего, собравшись всем телом, я рванула следом, зовя учителя Ву по имени, проявляя свою наглость и настойчивость:

— Ифань! Ифань...

Мой бег прервало шикарное падение лицом на асфальт, чему поспособствовали развязавшиеся шнурки. На секунду мне показалось, что я не могу дышать, область носа горела огнём, а на губах была солоноватая вязкая жидкость.

Разбитая окончательно, я вяло села и увидела перед собой своего классного уже с платком. У него было обеспокоенное лицо, и, кажется, глаз дёргался. Зажав же мой кровоточащий нос, он выдохнул устало и сказал:

— Ты правда слишком рискованная девушка для омеги. Пойдём, тут рядом есть больница, у тебя, кажется, перелом, нужно вправить. Иначе альфы перестанут восхищаться твоей

красотой, ты же этого не хочешь?

На секунду в его интонации голоса проскользнул сарказм. Но атмосфера почему-то стала мягче, ведь, увидев мою надутую от обиды губу, этот мужчина мягко улыбнулся, сверкая своими зелёными глазами. От его тепла я растаяла моментально и в протянутую руку вложила свою, дрожащую от неловкости. По дороге до травмпункта учитель купил мороженое и сказал держать у места ушиба.

А всю оставшуюся дорогу мы молчали, словно и было забыто недавнее крайне странное признание. Отчаянье от контакта наших пальцев у меня отступило совсем. Наверное, если бы моё обоняние работало сейчас нормально, я снова бы потекла от запаха альфы. Так же всё было тихо и мирно, даже когда мне вправляли нос и дали обезболивающее.

Когда все процедуры были сделаны, в палате скорой помощи остались мы одни. Учитель Ву молчал. Набравшись смелости, я всё же озвучила интересующие меня вопросы:

— Почему вы не хотите себе семью? Вам не нравлюсь именно я?

Снова послышался тяжёлый вздох, а за ним и искренний ответ без прежней холодности:

— Я уже не молод и много пережил на своём веку. Так что могу с точностью сказать, что меня в принципе не привлекают отношения. В своём роде я асексуален. Хотя и не совсем так. Так что просто оставь свои чувства сейчас, как и попытки сблизиться со мной. От всего этого будешь стра-

дать лишь ты сама.

Мне не хотелось верить в его слова, было больно слышать их сейчас, пока я даже не пыталась. Поэтому, набравшись смелости и чуть-чуть наглости, я смело протараторила:

— Не смогу, не могу и не хочу отказываться от своих попыток. Просто дайте мне шанс доказать нашу истинность. Можете не отвечать мне, игнорировать меня. Я не остановлюсь, пока не поверю в ваши слова.

На последней своей фразе я соскочила с кровати, быстро преодолела расстояние между нами и впилась в губы классного. Он же не оттолкнул меня, но и не ответил, дав мне шанс на этот, быть может, последний поцелуй. Однако я почувствовала лишь горечь, усилившуюся раза в два. Всё тело ломало в этот момент. Его альфий запах, строгий взгляд самца и тепло губ — всё это совсем не сочеталось. Неужели и правда придётся отказаться от этих чувств? Да быть такого не может. Потерявшись в сомнениях, я отпрянула от альфы машинально, молча проглотив его вопрос ледяным тоном:

— Тебе стало легче?

Мне, конечно, не хватило сил сдержать болезненную гримасу, но хватило ума отвернуться от этого человека, чтобы слёзы остались потаёнными. На ватных ногах я дошла до кровати и залезла под одеяло, свернувшись комочком. Внутри меня разгорался пожар отчаяния, и огонь был беспощаден, сжигая мои надежды, мечты и уверенность в себе. Почему мне приспичило запечатлеться именно на этом челове-

ке? Это словно рок или испытание на жизненном пути.

Но я ведь смогу с этим всем справиться? Правда?

Глава 2: Чем дальше в лес

Небо клонится к закату, обдавая своими золотыми лучами. Смотрюсь в зеркало, ловя блики в своих карих глазах. Уже который раз я пытаюсь оценить свою внешность по шкале красоты, но, кажется, после того дня в больнице у меня появились первые в жизни комплексы.

До сих пор слышу удаляющиеся шаги учителя, они оглушали мою разбитую на тот момент сущность. Хотя кому я вру? До сих пор не могу ни собрать все осколки в кучу, ни придумать, что делать. Может, и правда стоит отказаться? Нет, ещё чего! — парирует мой человеческий вопрос моя внутренняя сущность.

Мда, теперь ещё и раздвоение личности пожаловало. Ещё и Тэмин с тех пор, как забрал меня из больницы, постоянно косится и явно переживает. Вот этого я не хотела, ведь его омега Чимини в положении, а он пропадает у меня под дверью. Все они всегда охраняли меня, сторожили и отгоняли любого посягнувшего на меня альфу. Вот и сейчас у одного из них включилось чутьё на неприятности, и скоро другие подтянутся.

Ненавижу это. Всю эту систему сваток терпеть не могу, но своих близких люблю. Точнее, их невозможно не любить, они как часть меня. Отчего ещё больше сейчас предавать их, влюбившись в того, кому даже не нужна.

Утираю мягким хвостом по новой навернувшиеся слёзы и, вставая из-за стола, перемещаюсь на кровать. Снова пустой взгляд в стену и воспоминание о безответном, ледяном поцелуе. Тогда всего на секунду мне померещилось, что зрачки учителя стали шире. Глупость, наверное, но сердце уже надеется хоть на что-то более существенное.

Завтра уже определённо придётся ползти в школу, хотя всю неделю после перелома носа я сетовала на то, что страшная и в класс не пойду. Ссылалась на свой фан-клуб и его психологическое здоровье. Но на самом деле хотела спрятаться от внешнего мира, осмыслить ситуацию, сделать какие-то выводы и принять решение, как же мне быть и что делать со своей слепой любовью.

Жаль, что по истечении этого времени ответа не нашлось никакого, от слова «совсем». Так что пойду — и будь что будет, пусть всем верховодят животные инстинкты. Моя человеческая часть на данный момент бессильна как никогда. Мысли мыслями, а идти всё равно нужно. Поэтому беру сумку, закидываю её на плечо и иду к автобусной остановке.

Сейчас на улице немного прохладно, моё же тело пылает от негодования и страха предстоящей встречи. Была бы сейчас щенком, свернулась бы в комочек и дрожала так, словно промокла насквозь от дождя, не найдя мамы. Хотя о чём это я? У меня никогда её и не было, меня растила стая альф. Пусть они и были добрыми и ласковыми, но сейчас, зная все мотивы, мне немного обидно: для них я всего лишь ходячая

матка на ножках.

Горько вздыхаю, размышляя о подобном и страдая от того, что утратила весь прежний позитив. На меня — такую забитую у забора школы — налетает цветущая Бекхёни с ненужными сейчас вопросами.

— Хиери, как всё прошло? — спросил он. — Ты закадрировала своего учителя? Судя по твоему лицу, вас обуяла нешуточная страсть!

Не могу поднять на омегу даже глаз, да и рассказывать что-то — всё равно что беречь ещё не зажившую рану. Поэтому молча прохожу мимо, вздыхая слишком тяжело. Весь позитив с лица Беки тут же спадает, она бежит следом и тут же обнимает. Мне же приходится сдерживать слёзы, чтобы не распустить нюни в школе. Опухшие красные глаза тем более не нужны, не хочу, чтобы альфа видел мои страдания.

Но бог или чёрт не слышат мои молитвы, и скопившиеся слезинки противно щиплют в уголках глаз. Машинально закидываю голову немного назад, чтобы они не покатались по щекам. Смотрю в безоблачное голубое небо и стираю все мысли из головы. Подруга всё это время просто ждёт, стоя рядом и держа мою ледяную руку.

После того, как пришла в себя, мы также безмолвно зашли в класс и сели за самые дальние парты. Следом на всю школу голосит звонок, и в класс входит он. Снова в модном костюме, но в этот раз чёрного цвета. Взгляд альфы скользит по всему классу, а потом встречается с моим.

Ощущая, как сильно бьётся моё измаявшееся сердечко, выть хочется на лунный лик. Но делаю то, что правильнее: утыкаюсь лицом в парту, ложась на собственные руки. Конечно, слышу объявление на текущий день:

— Сегодня будет групповой медицинский осмотр, разделитесь на группы.

Тут же поднимается гул, но быстро стихает, ведь от этого альфы исходит угроза. Мой потаённый хвост топорщится дыбом, а уши плотно прижаты к голове. Последующий урок не шевелюсь и почти не дышу. Ведь стоит вздохнуть поглубже, как до носа долетит яркий аромат арбуза с хвоей, и от эмоционального перепада я просто напросто потеку.

Благо такой ситуации удаётся избежать: утыкаюсь носом в кореша Нини и, дыша его морковным запахом, потихоньку отхожу. Он ничего не спрашивает у меня и не удивляется, просто пишет дальше в своей тетради.

Когда снова звенит мой триумфальный звонок, слышу ещё одно объявление:

— Завтра у нашего класса пройдёт школьная совместная поездка по историческим местам. Поэтому утром приходим к школе с рюкзаками и деньгами, у всех будет время на свой отдых.

Все дружно гомонят громче, пока я пробираюсь к выходу, чтобы первой покинуть класс. Побег удаётся на ура, сбегая быстренько на крышу. Там хоть немного, но греет яркое солнце, жаль, что ему меня не утешить. От бессилия завали-

ваюсь на спину и изучаю причудливые облака. Пока этот вид мне не загораживает лик учителя Ву.

Смотрю на его бесстрастное лицо и, кажется, всхлипываю, тут же отворачиваясь. Он немного теряется, но не кидается утешать. Только говорит уже более мягко:

— Хиери, пойдём, там уже начался медосмотр.

Вяло поднимаюсь, собираясь юркнуть мимо альфы, но тут он меня останавливает, присаживается и с самым серьёзным выражением лица завязывает мои шнурки. От такого жеста обхватываю себя руками и прикусываю язык.

Пусть я омега, но всё же девушка и не должна реветь на постоянной основе. Удаётся сдержать бурные потоки ровно до общего зала. Там уже некогда распускать нюни, приходится снять футболку и встать в девчачью очередь.

Как только делаю это, ощущаю жгучий дискомфорт. Да, у меня несомненно красивое тело, но так как я полуживотное, оно немного не омежье. Живот пересекают четыре кубика, да и руки не тонкие веточки, а скорее крепкие ветви деревьев. Однако заметно, что многим даже омегам это не мешает пускать на меня слюни. Да ещё и учитель никуда не уходит, организуя других учеников. От его скользкого взгляда через ширму вспыхиваю, тут же отворачиваясь. Бекхён, видя это, смеётся, но мне не обидно, веду я себя и правда как самая настоящая клоунеса.

Подруга, снова видя мою поникшую головушку, легко касается пальцами моего загривка и говорит нараспев слиш-

ком громко:

— Никак не привыкну к твоему родовому пятну. Оно так сильно похоже на укус от зубов, словно метка, ещё и в области шеи. Правда, удивительно.

Киваю вяло, прекрасно зная об этой отметине и пережив из-за неё немало проблем в младших и средних школах. Всё, что происходит дальше, похоже на мясорубку, ибо нас смотрят быстро, заставляя кучками входить в отведённый кабинет. На урок я вхожу после этого выжатая как лимон с поседевшим лицом.

Все остальные занятия пролетают быстро и незаметно, учителя нет в поле моего зрения — и это хорошо. Хотя сердце в груди до сих пор дрожит от того, как этот человек завязал мои кроссовки.

Размышляю про себя и немного злюсь: Бесит! Зачем заботиться, если нет дела до меня?! Дома тоже не становится легче, ведь там меня преследует старший брат. Он ничего не говорит, хотя хватает и взгляда, чтобы прочитать его мысли. Да-да, мне нельзя заводить отношения и влюбляться. Наш клан не самый многочисленный, и его легко могут поглотить.

Омега — это откуп для более сильных единств волков с более чистой кровью. Я готова принять свою участь, но зачем меня прессовать? Ведь помимо пола и тела у меня есть душа, и сейчас она сильно страдает. Тэммин явно чувствует эти муки, так что вместо выговора получаю тёплые братские объятия и напутствие:

— Я верю тебе во всём, Хиери. Так что не печалься, хорошо?

Киваю, усердно сдерживая слёзы. Точно понимая, чего мне так не хватает, а именно — поддержки моих дурных братьев. Может, завтра предложить им совместную поездку вместо школьной? Думаю об этом, но мысль гаснет. Управление берёт другая: что, если я смогу увидеть учителя в более домашнем образе, не таким серьёзным, а более расслабленным? Отказать себе в таком не могу, поэтому выскальзываю из рук Мини и, показывая язык, отвечаю:

— Ты бы лучше больше времени с Чимини проводил.

После этого запираюсь в своей спальне и сразу съезжаю по двери на холодный пол. Грусть, что сдерживала весь день, крепко вцепляется в сердце клыками. Всё же пускаю скупую омежу слезу, прокручивая в голове весь прошедший день.

Красивый изгиб шеи учителя, его строгий взгляд и глубокий, немного рычащий голос. Но пускать нюни глупо, поэтому собираюсь, умываюсь, переодеваюсь в домашнее и спускаюсь на ужин. Там, как всегда, привычный балаган, он же выуживает на свет мою искреннюю улыбку. Есть, правда, не хочется совсем, но под строгим взглядом отца упорно жую. Нельзя волновать его по пустякам.

Еда в тарелках убывает быстро, особенно в семье рослых альф. Хотя такого и не скажешь, например, о Лери — она омега из другой семьи, и братья её часто подкалывают. Но сегодня нет ни насмешек после десерта, ни очередной коме-

дии. Как-то даже непривычно, и причина выясняется быстро: Джонхён очень серьёзен и говорит немного дрожащим голосом, что ему в принципе не свойственно.

— Отец, — начал он, — я хотел сказать: мы вчера с Кибоми узнали, что у нас будет малыш.

Конечно, такая новость встречается улюлюканьем и хлопыванием от других альф. Я же подхожу к самому старшему из нас и говорю ему на ушко:

— Ты будешь отличным отцом, братик!

Он на это улыбается и отвечает также шёпотом:

— Всегда знаешь, что сказать, Хиери. Спасибо тебе за это, эти олухи до такого не додумаются!

Ярко улыбаюсь брату и жалею, что не могу поделиться своими проблемами с ним. Он хоть и любит меня больше всех, но не даст мне свернуть с намеченного курса. Мне не с кем поговорить обо всём этом. Остаётся просто поддаться течению времени. Рано или поздно всё само разрешится под его гнетом.

В последнее время всегда ощущаю душашую усталость с тех самых пор, поэтому быстро желаю всем сладких снов и иду в свою спальню. Там просто звёздочкой раскладываюсь по кровати и смотрю на звёзды за окном. Сегодня их видно слишком отчётливо. Что же мне делать на самом деле? То, что я почитала об асексуализме, не дало мне никаких подсказок. Просто штиль во время апокалипсиса, ведь в разговоре использовалось слово «почти». И что это может значить?

В таком состоянии хватаюсь за собственные волосы, портя причёску. Когда же надоедает беспомощность, замечаю падающую звезду и бездумно загадываю желание: «Я хочу узнать всю правду о Ифане!» После этих слов в собственной голове смущаюсь, но боль от сердечной мышцы не отступает, давит ещё сильнее, отчаянно пульсируя.

С такими симптомами истинной влюблённости и засыпаю, снова видя странный, но такой волнующий сон. Я снова в личине волчицы, но на этот раз я стою на возвышении, и меня окружают яркие маттиолы. В свете луны они похожи на серебристые звёзды. Но главное не это: сердце ликует, а из груди рвётся вой. Это зов самки, я желаю до иступления найти своего незаменимого альфу. Слух устремлён вдаль, и я слышу других, абсолютно незнакомых волков. Вою ещё громче, а потом замираю, натываясь на то самое. На глубокий звериный рев, что заставляет скулить и поджимать хвост, а лучше — заваливаться на спину, показывая незащищённый живот.

От зашкаливающих эмоций бросаюсь вперёд, на этот интригующий зов, виляя хвостом и выпуская из пасти язык. Холодный воздух ночи обжигает и манит, заставляя ускориться. Ароматы трав распространяют по крови весенний дурман, заставляя сердце отчаянно рваться на судьбоносную встречу. Торможу лишь тогда, когда лёгкие начинают пылать, а глаза слезиться от длительной гонки.

Неужели я не найду его? Думаю отчаянно, завывая по но-

вой. Но все мои попытки прерываются, когда в нос ударяет особый сладкий лесной запах. Поднимаю морду в его направлении и вижу на пригорье силуэт белого волка, его внимательный взгляд. Осознаю, что это настоящая любовь с первого взгляда, а если быть точным — запечатление.

Сон рвано прерывается, и я так и не успеваю подойти ближе к своему несуществующему избраннику. Но настроение счастья не выветривается, и забываются все горести. Душа полна надежды на лучшее, а на сердце — тепло влюблённости. Если всё пойдёт так и дальше, однажды я не захочу просыпаться. Глупая затея, но из головы она не выходит.

Путь до школы немного приземляет настроение, ведь ждёт новая встреча с тем, о ком лучше не говорить и тем более не думать. Тут же сталкиваюсь с учителем Ву и кланяюсь ему. Самое глупое, что мы оба молчим в такой ситуации, и от этого всего за метр воняет неловкостью. Отчего быстро уношусь вглубь автобуса, забивая себе последнее сиденье у окна и отгораживаясь от чёрствого взгляда здоровенным Чанёлем, пока тот воркует с Беки и не понимает, в чём курьёз ситуации. Благодаря именно таким действиям поездка проходит очень спокойно, успеваю даже подремать, слушая музыку. Но эти мелкие гады так давят на уши, что те краснеют, из-за чего получаю от друзей здоровенную долю смеха и подколок.

Самое очешуенное из них — прозвище «слоник». Но даже такая эмоциональная разрядка не спасает от новой встречи

с альфой. Учитель Ву, как всегда, безэмоционален и чётко, лаконично проводит для всех экскурсию, с любовью смотря лишь на природу, окружающую нас. Но мне вот очень хочется затычек для носа, потому что от аромата альфы я готова скулить в голос.

Голова сильно кружится, и ноги ватные, но благо, что вскоре экскурсия заканчивается и Бек, видя моё состояние, утаскивает меня в тенёк, вручив таблетку блокатора. Выпиваю её с радостью и вздыхаю спокойнее.

— Не знаю, в курсе ли ты, но сегодня мы все вместе ночуем в гостинице, и вечером будет пьянка. Учитель спит напротив нашей спальни, чтобы отгонять альф, — говорит Бекхёни, смотря в мои округлившиеся глаза с сочувствием.

Сейчас беспомощность захватывает моё тело миллиметр за миллиметром, полностью поглощая меня. Из головы напрочь вылетает прогулка по магазинам с друзьями, жду приближающийся конец света. Он наступает, когда все вещи уже разложены. Устраиваемся все вместе в общей гостиной.

Гостиница сильно напоминает старые дома в историческом стиле с тонкими стенами. Так что хоть учителя и нет с нами, среди всех запахов остро различаю его, ведь для меня он самый особенный. Сердце снова застигает боль и отчаянье. На нервах берусь за первую попавшуюся стопку и залпом осушаю. Весь гул тут же утихает, все на меня тарашатся, пока Нини не говорит удивлённым голосом:

— Хиери, всё хорошо? Ты же первый раз в жизни выпила

спиртное.

Не знаю, что ответить. Это правда: пить мне категорически запрещено правилами семьи, так как это может повлиять на мой будущий выводок щенят. Пугаюсь и понимаю, что совершила серьёзную ошибку, мгновенно становится стыдно перед отцом.

Всё возвращается к прежнему гаму, я же пулей вылетаю на улицу. Внутри всё пылает, начиная от горла и заканчивая желудком, на языке сильная горечь, перед глазами всё расплывается. Видимо, с непривычки алкоголь сильно повлиял на мозжечок. Идти получается плохо и тем более бегать, поэтому оседаю в беседке неподалёку от главного здания и всхлипываю.

Самая настоящая дура. Хотя польза от проступка есть, как и от чистого кислорода. Лёгкие прочищаются от манящего аромата истинного. Жаль, ненадолго: вижу силуэт, приближающийся ко мне, и запах возвращается вместе с ним. Спиртное быстро заполоняет раскисший мозг. Только поэтому не убегаю. Усаживаю альфу рядом и, уткнувшись в его плечо, начинаю рыдать изо всех сил, не переставая тараторить:

— Это всё из-за вас. Вы виноваты.

Мои трепыхания прерывает спокойный лаконичный вопрос:

— В чём же я виноват, Хиери?

Слыша дорогой сердцу голос, реву ещё громче, а потом,

немного успокоившись, шепчу своё излияние души вслух:

— Вы дали мне надежду на любовь. С самого детства я была привязана к долгу клана. Моя задача — выйти замуж и родить как можно больше волчат. У моей матери я была восьмой, да и в принципе последней. Я не хотела для себя этой жизни, но выбора нет: ради благополучия семьи я обязана. Если честно, сегодня первый раз в жизни я выпила, и это тоже из-за вас. Хотя... забудьте всё, о чём я вам сказала.

На эмоциях утираю слёзы и стараюсь уйти, тут же поскользнувшись на мокрой траве, в пьяном бреду пропустив начавшийся дождь. Хотя падению способствует и опьяневший вусмерть мозг. Учитель Ву пытается меня поднять, но я отталкиваю его со словами:

— Не трогайте меня! Если у вас нет интереса, мне от этого лишь больнее.

Новая попытка уйти проваливается на этот раз из-за острой боли в ноге. Обхватываю её продрогшими пальцами и всхлипываю. Ну что за чёрт! Показываю себя перед этим человеком просто нюней и размазнёй. Это бесит на самом деле.

— Никто не говорил тебе, что ты очень неуклюжая?! — слышится у меня со спины.

Понимаю, что учитель не ушёл и всё это время любовался моим жалким видом. Обидно! Все эти эмоции сейчас наполняют меня как чашу до самых краёв, но ничего не проливается наружу, лишь капли холодного дождя.

Ифань смотрит на меня долго и пристально, а потом снимает свою кофту, укутывает меня, берёт на руки снова, как в тот день, будто я принцесса, а он принц. Жаль, что учитель больше напоминает гордого дракона, а я его жертву. Принимаю сей факт, согреваясь в его объятиях.

Немного трезвею, так как выпила по идее совсем немного. Организм же среагировал так резко лишь из-за непривычки. Аромат, идущий от шеи Ву, заставляет сердце трепетать. Вдыхаю глубже и шепчу на ухо учителю первую мысль, засевшую в моей голове:

— Полюбите меня, прошу вас...

Он же пропускает это мимо ушей, спокойно усаживает в машину и заводит двигатель. Ведь точно: учитель тогда так и не зашёл в автобус, сколько я ни ждала и ни боялась этого. До местной больницы мы добираемся быстро. Меня снова бинтуют — и это точно словно дежавю.

Почему каждый раз, когда мы наедине, в конце я оказываюсь в больнице? Похоже на злой рок. Ну да ладно. Несмотря на растяжение связок на левой ноге, я витаю в облаках, до сих пор ощущая на себе горячие объятия. Но после накладки тугой повязки возникает более актуальный вопрос: Что делать дальше и куда податься?

— Домой нельзя, отец прибудёт! К ребятам не хочу. Как быть-то?.. — размышляю вслух, не сразу замечая чужое присутствие.

Однако прихожу в себя моментально, ровно после следу-

ЮЩИХ СЛОВ:

— Раз я виноват в твоём состоянии, можешь переночевать у меня. Там есть гостевая, и она запирается изнутри. Надеюсь, что с твоей стороны домогательств тоже не последует.

— И это говорит альфа! — не могу сдержать ехидства, тем более прекрасно пряча за ним счастье.

Благо улыбка не прорывается из-за маски стервы. До нужного адреса мы едем молча, я изучаю проплывающий за стеклом город. Такой яркий, несмотря на позднее время, люди так и снуют целыми толпами. Впервые гуляю так поздно... Хотя какая это прогулка в машине? Альфа сразу замечает мой поникший взгляд и тормозит у небольшого, но ухоженного парка. Смотрю на него вопросительно и задаю вопрос:

— Вы же в курсе, что я сейчас не могу ходить? Это словно манить кота рыбкой и съесть её самой!

— Какие у тебя интересные аллегории для твоего возраста, Хиери, — парирует учитель, впервые смеясь передо мной и вызывая в моей груди новую революцию.

Но даже бабочки в животе суть проблемы не меняют. Да ещё всё усугубляется, потому что альфа подставляет мне спину и говорит весело:

— Я прокачу тебя, раз ты больна. Пусть тебе я любовь подарить и не в силах, но помогу нарушить пару запретов в благодарность за твои искренние чувства.

От его слов сквозит тоже странной необъяснимой болью, и я принимаю предложение, обхватывая мощную шею дро-

жащими руками. Тут же утыкаюсь лицом в его лопатку и пускаю в ход свои скопившиеся в глазницах слёзы. Сейчас даже не знаю, что доминирует в моей душе. Ужасно больно, что мои чувства отталкивают, но в то же время душа ликует, ведь любимый человек совсем рядом, его тепло опалает. Это как поймать бабочку в сачок, а потом поджечь ей крылья и любоваться — вот что делает этот человек. Хвалит красоту моих чувств, благодарит, а потом безжалостно заливает всё серной кислотой и наблюдает за моими трепыханиями. Может, он и делает это без злого умысла, но от этого не легче.

Так мы идём по ночному парку, освещённому яркими фонарями. Он несёт меня вглубь, подальше от воркующих парочек. Я же сквозь расплывающуюся пелену слез стараюсь зарисовать каждый миг, проведённый вместе, в мой невидимый блокнот. Чтобы не забыть и потом суметь утешиться этими минутами. Но даже они пролетают слишком быстро, и мы снова едем в машине сквозь ночь, больше не говоря ни слова.

Даже дома у учителя наше безмолвие не пропадает. Со всем обессилив, я запираюсь в отведённой мне комнате и падаю на кровать, ощущая запах своего истинного альфы от всех предметов мебели и декора. Даже подушка пахнет им — и это прекрасно, схоже с раем после мук ада, что были каких-то полчаса назад. Сон быстро застигает мою уставшую сущность — даже слишком.

В этот раз мой сон наполнен одиночеством, словно я жду

кого-то. Вою и зову, отчаянно нуждаясь в своей паре. Зная, что там, вне берлоги, бушует зима, и самец на охоту ушёл слишком давно. Мне боязно, страшно, ведь со дня на день на свет родятся наши щенки. Если не будет еды и защитника, нам всем вместе просто не выжить.

Осмеливаюсь и выглядываю наружу, тут же скуля от холода и урчащего желудка. Поднимаю пасть вверх и принохиваюсь, улавливая знакомый аромат. Он ведёт меня к самому источнику. Внутри переполняет радость, когда вижу своего белого волка, который в пасти тащит тяжёлого оленя. Он рычит на то, что я вышла из берлоги, но потом облизывает мой нос...

Сон снова схлынывает очень быстро, оставляя после себя нежность и волнение. Медленно открываю глаза и подвисяю, ибо оказываюсь не там, где засыпала. Плюсом идёт то, что на меня закинута чужая нога, а шерсть на ухе опалает дыханием.

Да и сам прикол в другом: сейчас я трансформирована в форму волчицы и занимаю немалую часть кровати, светя своим дымчатым окрасом. Становится очень неловко, и не дай бог, если альфа сейчас проснётся. Такое взаправду можно будет принять за домогательство.

Возвращаюсь в форму человека и легко выскальзываю из кровати, забегая в гостевую и чихвостя себя на чём свет стоит. Дура, маньячка! Он же не мог заметить моё присутствие. Не могу понять, как так легко перевоплотилась. Ведь у меня

с детства были с этим проблемы, в отличие от братьев-альф.

Но сейчас некогда впадать в воспоминания. Остро осознавая это, одеваюсь и быстро покидаю чужую квартиру, незаметно ретируясь на автобусную остановку. Сейчас на часах примерно пять утра, так что домой можно проскользнуть незамеченной. Эти оболтусы меня всё равно лишь к обеду заметят. Так по итогу и выходит. Дома даже успеваю поспать и поесть, при том смакуя прошедший день. Несмотря на то, что моё сердце до сих пор ноет от боли, произошло много чего хорошего. Теперь я знаю, где живёт мой учитель. Да и его характер уже начал раскрываться с новых сторон. Так что сдаваться на счёт его ещё рано, стоит попытаться. Тогда с каждой моей попыткой мы будем становиться ближе на шаг. Возможно, за оставшийся год я наслажусь этими непростыми отношениями, вкусив запретный плод, поддавшись инстинктам всего лишь раз...

Глава 3: Тем зубастей волки

Вся последующая неделя в школе перед фестивалем была занята репетициями. Мы решаем сделать в классе что-то наподобие паба. Делаем круглую сцену, ставим микрофон. Ребята с ответственностью, что удивительно, учат мою песню. Чанэль перекладывает мелодию на гитару и другие инструменты, которыми владеет. Такие способности для альфы очень несвойственны.

Петь же отказываются все, читая слова песни, и вешают это дело на меня. Лишь Бекхёни обзаводится организовать бэк-вокал от себя и Кенсу. Эта девушка учится в параллельном классе, и я подумать не могла, что тоже поёт, ведь у нас в школе она больше известна как кулинарный богиня.

Но суть не в этом. Все эти дни учитель вообще не появляется в школе, и от этого мне грустно. Я хочу, чтобы мою песню он услышал. Тем более она написана альфе — и никому другому. Благо в день фестиваля происходит чудо, ведь учитель Ву не покидает класс, внимательно следя за всем этим балагуром.

Все носятся перед началом нарядные — «костплей», как говорится. Меня же разукрасили, нарядив в гейшу. Сделали яркий макияж. Вышло, между прочим, неплохо, не мешал даже парик. Завязав пояс, я решила посмотреть на себя и заметила покрасневшее лицо альфы. Это меня удивило, как

и то, что он утащил меня в угол и тихо ругнулся:

— Я понимаю, вы решили все нарядиться, но хотя бы традицию костюма изучили бы!

После этих слов он развязал мой пояс, что был затянут спереди, и попросил:

— Развернись.

Конечно, я повиновалась, до сих пор недоумевая, в чём проблема. Учитель же затянул мой костюм сзади и шепнул на ухо:

— Суть в том, что вперёд пояс раньше завязывали лишь куртизанки. Женщины-цветки всегда затягивали пояс сзади. Знай об этом на будущее.

После этих слов краснеть пришлось уже мне. Ситуация вышла неловкой, так что пришлось просто поддакнуть:

— Извините, мы не додумались. Костюмами занималась Бекхёни, я отвечала за остальное. Учитель, заметив моё смущение, стал ещё более мягким, чем основательно подкосил моё душевное состояние, ведь моя тяга к альфе никуда не пропала, а даже усилилась. Тем более мы находились в той области, где другие нас не видели. Да и учитель был сейчас в более свободной одежде: в свитере и джинсах, а не в костюме.

Такая перемена прибавляла жара в области груди.

— Хиери, ты отлично справилась с организацией фестиваля. Я не смог помочь, так как болел, спасибо за помощь.

От похвалы и мимолётной улыбки моя голова пошла кру-

гом. Аромат арбуза и хвои тоже сводил с ума, и я решилась на безумие под наплывом эмоций.

— Раз я такая молодец, наградите меня поцелуем, учитель Ву.

После моего высказывания Ифань замер и немного побледнел. Показалось, что сейчас его маска строгости вернётся, но этого не произошло. Он аккуратно взял мою руку и в лёгком поцелуе коснулся пальцев. Лишь от этого дрожь прошлась по всему моему телу, оседая в животе, захватив себе в помощь стадо мурашек. Даже сквозь тонны белого макияжа проявился мой настоящий румянец.

— Я говорила не о таком поцелуе... — прошептала я, на-супившись, но альфа услышал мои слова и сказал тихо, как показалось, даже с насмешкой:

— Если поцелую в губы, помада сотрётся. Как же быть? Ты же не хочешь опорочить имя гейш? Ведь они непорочны.

От его слов немного обижаюсь, но понимаю, что сама просьба была излишней. Ведь этот мужчина во мне не заинтересован, просто дурачится, зная о моих чувствах. Понимая это, стараюсь не разреветься и часто-часто моргаю, уходя от учителя к ребятам.

Наша основная программа началась, когда посетители заняли все столики. Всегда считала странным то, что в такие моменты совсем не боюсь сцены. Вот и сейчас выхожу мелкими шажками, изящно манипулируя веером. Перед тем как подать знак включить музыку, нахожу взглядом преподава-

теля Ву, и когда наши взгляды встречаются, даю отмашку.

Начинает играть записанная Паком фонограмма, и мой голос льётся ей в такт. Слова слетают с языка ласково в первом куплете, словно в своих руках убаюкиваю незримого ребёнка. Прекрасно вижу удивлённый взгляд своего истинного альфы, да и другие не отстают. Но лишь этот человек не пожирает меня и не раздевает взглядом, в его глазах плещется лишь искреннее восхищение.

Не могу сдержать рвущуюся улыбку, как и звонкий голос на втором куплете, выдыхая его с силой и страстью, что трепещут в груди. Но всё заканчивается вместе с музыкой на самом пике. От разрывающих душу эмоций быстро покидаю сцену, перед этим молниеносно поклонившись. Бекхёни, видимо, чувствует, как усилился мой запах, быстро подсовывает блокатор и говорит на ушко:

— В последнее время у тебя прямо-таки отсутствует цикл. Интересно, это из-за того, что ты нашла истинного?

В незнании пожимаю плечами, замечая, как мой альфа покидает наш импровизированный паб. Пустота в душе поселяется мгновенно, остальные выступления имеют для меня не столько смысла, как те мгновения на сцене. Всё протекает быстро, но выматывающе. После празднества гоню всех домой, убираясь в одиночку — так выделяя себе время для спокойных раздумий.

Сегодня мне показалось, что учитель стал ко мне относиться теплее, как и в тот вечер с ночёвкой. Неужели я сно-

ва всё себе напридумывала?.. Такое тоже имеет место быть. Мои чувства никак не слабеют, а лишь крепнут, не давая мне забросить надежду. На полную уборку уходит где-то час или полтора, в класс заглядывает закатное солнце.

Зевнув ему в ответ, сажусь у стеночки передохнуть, чтобы вскоре пойти домой. Глаза сами закрываются от усталости, и мозг подкидывает очередное, но в этот раз размытое сновидение. Рядом стоит огромный белый волк, озарённый лунным светом. На моей волчьей шее красуется цветочный венок из аконита.

Фиолетовый цвет мне нравится, да и сердце трепещет. Ведь осознаю, что это волчья свадьба. Лидер стаи благословляет нас и скрепляет узами брака. Скулю любовно, а потом поднимаю нос к своему самцу. Он утыкается в него своим, давая своё согласие. От этого соприкосновения до безумия тепло и хорошо, чувствую уют и счастье.

На этом всё прерывается, глаза сами открываются. Сразу понимаю, что солнце уже село, отчего подрываюсь с места, но не рвусь к выходу. Сон уже развеялся, а вот поцелуй на губах остался. Более того — от них пахнет арбузом и хвоей.

Значит, это может лишь одно: кажется, учитель выполнил мою просьбу и так наградил за работу. Даже сама не верю в произошедшее. Для проверки даже отвечаю себе пощёчину, а потом радостно голошу на весь класс, подпрыгивая на месте. Сердце в груди заколосилось от счастья, но ликование прерывает открывающий дверь охранник. Он смот-

рит явно с укором и спрашивает на полном серьёзе:

— Ты что тут делаешь поздно вечером? Не вор ли?!

Тут же отрицательно качаю головой и объясняю радостным голосом:

— Нет, что вы. Я просто убиралась после фестиваля и заснула.

— Ясно, пошли скорее, я тебя чуть не закрыл, — отвечает он, и я следую за ним, вызывая на ходу такси, ведь до дома добираться на автобусе небезопасно.

Нужная машина подъезжает быстро, и меньше чем за час доезжаю до отчего дома. Сейчас у меня такое настроение, что парила бы над землёй. Но оно резко падает на дно, когда в гостиной меня встречает вся семья. У них строгие взгляды, и висит тягостное молчание.

Решаю его нарушить сейчас, пока меня не стали ругать по непонятным причинам. Улыбаюсь как можно естественней и начинаю тараторить:

— Привет, а вы чего все здесь? Что-то произошло?

Однако моментального ответа я не дожидаясь и попросту стараюсь ускользнуть наверх, в свою безопасную комнату. Но к месту меня пригвождает грубый голос отца:

— Стой, где стоишь!

Торможу ошарашенная такой грубостью — и даже рычанием — папы, а потом шепчу себе под нос:

— Что я такого сделала?

Отвечает мне на вопрос Джонхён, спрашивая без грубо-

сти:

— Хиери, нам стало известно, что ты встречаешься с альфой. Это так?

Тушуюсь от этого пугающего спокойствия и строгих взглядов братьев, но внутри всё начинает кипеть. Осуждают, злятся на меня! Те, что имеют права на выбор, хорошо им. Почему-то в этот момент мою дамбу скопившихся чувств срывает. Кричу на свою зажавшуюся родню впервые, ведь последний раз был примерно лет в двенадцать:

— Да, да и ещё раз да! Я нашла свою истинную пару. Но ведь даже на это я не имею права. Мне прекрасно известно о моей цели, я всего лишь инкубатор для щенков от альфы, которого даже не знаю. Вам-то хорошо, вы все женитесь по любви. Ненавижу вас всех!

Заканчивает тираду звонкая пощёчина отца, что выбивает из глаз скопившиеся слёзы, и они начинают струиться по лицу. Смотрю на него, не моргая, чувствуя, как же болезненно сжимается моё сердце. Это больно даже не на физическом уровне, моя душа просто рыдает навзрыд. Но свои слёзы я вытираю и даже не моргаю, когда слышу:

— Ты меня разочаровала, Хиери. Твоя мать такой не была. Иди в свою комнату, из неё ты не выйдешь до своей свадьбы!

Глаза отца сейчас и правда горят ненавистью, и хоть, возможно, на это и есть причины, это просто невыносимо. Медленно разворачиваюсь под тяжелыми взглядами, лишь у

лестницы через плечо бросаю слова горькой истины:

— Спасибо, отец, за то, что наконец сказал правду. Но загвоздка в том, что этот альфа отказал мне в отношениях.

После сказанного бросаюсь вверх по лестнице, чувствуя, как отец хочет позвать меня по имени.

Лишь в своей комнате я даю волю чувствам, рыдая в подушку и ненавидя весь мир. Папа никогда не бросает слов на ветер, а это может значить лишь одно: сегодня была наша последняя встреча с Ифанем. Да и прошла она даже слишком хорошо, похоже, всё это было лишь подарком судьбы. Наревевшись вдоволь, засыпаю совсем без сновидений, окунаясь во тьму без толики света.

Хорошо, что утро приходит быстро и смывает черноту и безысходность. Но реальность и вчерашние события угнетают не на шутку. Чувствую пустоту и огромную обиду на братьев и отца. Да, они видят мир с иной стороны, как и моё поведение, но говорить, что я — разочарование семьи! Решаю отказаться от завтрака, просто потому что кусок в глотку не лезет. Хотя с обедом происходит то же самое. Ужин же не принимаю вполне осознанно — объявляю голодовку.

Это не проходит даром, так как посреди ночи в гости забредает Цзитао с виноватым взглядом. Даже не поворачиваюсь к нему, изучая стенку, лишь вяло спрашиваю:

— Чего тебе?

Он же садится на кровать и, поглаживая моё плечо, отвечает:

— Прости меня, Хиери, это я рассказал отцу. — В ответ на мой молчаливый вопрос, заданный лишь глазами, он продолжил говорить:

— Это всё Кенсу, она моя омега. Видела вас с тем парнем, но так и не сказала, кто это.

— Спасибо ей хоть за это... — шепчу на такое заявление и снова отворачиваюсь, чувствуя, что до безумия хочу пить. Но от жидкости я тоже отказалась, а значит, нужно терпеть жажду плюсом к голоду.

Тао не уходит, лезет к моим волосам, чтобы потрепать их, тут же получая по руке и шипя от боли, ибо сил я не сдерживала.

— Хиери, отца тоже можно понять. Он боится уничтожения нашего клана, и если что-то произойдёт — нас некому спасти.

Вяло киваю и просто падаю в обморок, ощущая сильную пульсацию в висках. В моём бреду снова мерещится всякое, очередное видение.

На этот раз я даже во сне чувствую слабость, но явно другого характера, ведь под боком пищат два только что родившихся щенка, ища грудь. Подталкиваю их носом и мягко рычу. Несмотря на усталость, сердце переполняет нежность. Жаль, что что-то столь прекрасное быстро прерывается — глаза приходится открыть.

На руке обнаруживается капельница с питательными веществами. Рядом сидит явно расстроенный отец. Наши

взгляды тут же встречаются, и он говорит тихо и мягко:

— Прости меня, Хиери. За то, что тогда сказал те жестокие слова. Но я волнуюсь о твоём же будущем, хотя и не могу дать тебе то, чего ты желаешь. Свобода — это прекрасно, но в стае невозможна. А сейчас у нас проблема: произошла утечка информации. Завтра к нам приедет твой жених для знакомства. Так что отдыхай и поешь, Лери принесёт тебе ужин и завтрак.

Пытаюсь сесть от такой нагрузки информации. Но ответить мне нечего. Встреча с тем, от кого мне суждено родить, — это, наверное, нормально. Папа уходит, а я остаюсь лежать, не зная, что делать. В голове куча противоречий. Сейчас до иступления хочется увидеть Ифаня и хотя бы попрощаться. Правда, вот только это ложь.

Мне нужен лишь один альфа, и меня ломает от того, что не могу быть именно с ним. Эта мысль укрепляется в моей черепной коробке. Понимаю, что творю полную чушь, когда после ухода Лери быстро ем, а потом снимаю постельное бельё и связываю его в верёвку. Со второго этажа спуститься хватит. Всё время после занимает ожидание, когда все заснут.

Как я и думала, окна оказывается легко выломать, хотя и немного шумно, но альфы спят весьма крепко. Мне хватает скорости и спуститься, и броситься наутек. Благо карманные деньги у меня никто не отбирал. Хотя возникает другая проблема. Посреди ночи улица почти безлюдна, машина едет

долго, да ещё и холодный дождик моросит. Так что перед квартирой учителя появляюсь до нитки промокшая и жалкая, как щенок.

Он открывает не сразу, но когда дверь отворается, немного опешивает. Оценив моё состояние — как внешнее, так и внутреннее, — загоняет в ванную, сунув в руки полотенце и сменные вещи. После потоков горячей воды становится намного легче, и на кухне за чашечкой чая язык развязывается сам по себе. Выговариваю всё накопившееся за долгие годы и обрисовываю ситуацию:

— Учитель, завтра приедет мой жених, и мне не дадут доучиться. Поэтому прошу, приютите меня на время. Здесь меня никто не догадается искать.

После моих слов альфа немного раздумывает и отвечает по-деловому:

— Ладно, гостиная твоя, но есть пара условий. Первое и самое главное: не входи в мою комнату. Второе: сдерживай свои чувства, ты же знаешь мой ответ.

Странно, что второе условие для меня не так болезненно, как первое, поэтому хвост встаёт дыбом, и я отвечаю с негодованием:

— Будто мне оно надо — шастать к вам в комнату.

Мужчина искренне смеётся над моей детской реакцией и поддакивает в тон моему голосу:

— Да, да, конечно, а твою шерсть на своей постели после ночёвки я просто так нашёл, нечаянно.

После сказанного им заливаюсь краской, залпом допиваю горячий чай, хорошенько обжигая язык.

— Спасибо за ночлег, спокойной ночи! — протараторила я и на всех парусах помчалась в комнату.

Закрывшись на все замки и упав на кровать, чувствую, что немного помираю от счастья. Ведь мой альфа меня не выгнал, а ведь мог. Плюс всё здесь — от простыней до майки на мне — зверски пахнет его ароматом. Что же может быть слаще?.. В этом побеге от реальности этот дом — мой персональный сад Адама и Евы.

Окончательно вымотавшись, быстро засыпаю, специально заводя будильник на раннее утро. Благо он звенит негромко и с матраса подбрасывает только меня. Проснувшись, умываюсь и чищу зубы, а потом на цыпочках иду к холодильнику. Как-то лет в двенадцать я читала дневник моей матери, и она часто писала о том, что привлекла моего отца своей готовкой.

Для омег это тоже входит в обязательные занятия. Мои же навыки не выдающиеся — не более чем средние, но на готовку завтрака своему альфе мне вполне хватит и их. На кухне отыскивается пачка риса и небольшая красная рыба. В голове сразу всплыл самый простой рецепт: жареный гарнир и варёная крупа. На помощь пришла мне рисоварка и сковородка с керамическим покрытием.

Настроение сейчас у меня пылало, как только начинающийся за окном рассвет. К тому времени как солнце достигло

пика, стол уже был накрыт, а еда приманила запахами учителя Ву. Альфа явно был удивлён тем, что я встретила его в фартуке, напевая себе под нос и намывая посуду.

— Доброе утро! — сказал Ифань и сел за стол, но не стал есть ровно до тех пор, пока я не села напротив и тоже не начала есть. Прожевав пару ложек, учитель спросил:

— Ты умеешь готовить?

Услышав такое, мне хватило сил не рассмеяться и ответить мягко, не язвя:

— Омега с детства учат подобному, у меня средний уровень. Но в знак благодарности, что вы меня пустили, буду готовить вам. Только не ждите кулинарных творений!

Альфа на это кивнул и снова улыбнулся слишком естественно и открыто. Однако при всей этой открытости я не могла залезть глубже в его душу, узнать его лучше. Если сравнивать расстояние между нами, то я — Меркурий, а он — карликовый гигант. Если не начну двигаться, даже за тысячу лет не смогу достигнуть его атмосферы.

Грустные мысли явно отражаются на моём лице, потому что Ифань протягивает руку и смахивает с моих губ крошки. После такого действия чуть не падаю со стула, покрываясь красными пятнами и начиная икать.

Выглядела я при этом очень курьёзно, отчего мне стало жутко неловко, и, откланявшись, я заперлась у себя в комнате. Сердце, похоже, решило, что ему надоело тусоваться в груди, и переехало в живот устраивать мордобойство с киш-

ками.

Не могу пошевелиться, до сих пор ощущая на губах касание альфы. Оно обжигает, голова начинает кружиться, а ноги дрожать от волнения. За дверью учитель вежливо стучит и спрашивает:

— Всё хорошо, Хиери?

— Угу, идите в школу. Я справлюсь сама, — отвечаю, стараясь не икать слишком громко, слыша удаляющиеся шаги, а спустя минут десять — щелчок дверного замка.

Только когда квартира опустела, я осмелилась выйти и перестала алеть. Весь оставшийся день прошёл не скучно, если быть точным — меня рвало башенку. Как там обычно говорят? Запретный плод сладок, вот именно этот плод меня и манил. Хотелось войти в комнату учителя, всё обнюхать, перерыть и найти все скелеты, если такие там имелись. Но слова альфы всплывали в голове, стоило хоть шаг сделать к запретной комнате.

Ближе к вечеру, когда закат уже отгорел и солнце скрылось за горизонтом, случилось непредвиденное. Внезапно погас свет во всём доме. Ежесекундно, как только абсолютная тьма заполонила глаза, снова проснулся забытый страх.

Ноги онемели, и я ни могла сделать и шага, ничего не видя перед собой. Дыхание стало рваным, из-за холодного пота футболка противно липла к спине. Там, в этой тьме, явно что-то пряталось, ужасное и незримое. Желание сбежать всё нарастало, но я так и стояла, не чувствуя реальности. Пока

в полной тишине не раздался громкий щелчок двери и знакомый голос:

— Хиери, ты дома?

Услышав голос альфы, я по памяти рванула ко входу, тут же налетая на чёрный силуэт и падая на пол плашмя на спину. Кто это? Меня от паники начало протряхивать, слёзы безвольно покатались по лицу, и нос от них заложило. Может, поэтому, понюхав незнакомца, я не сразу догадалась. Но всё стало яснее, когда тёплые большие руки легли на моё лицо.

— Ифань, это ты? — своевольничала я, переходя на «ты» и вообще не думая в эту секунду о формальностях.

Учитель быстро оценил моё состояние и прижал к себе, успокаивающе поглаживая по голове и полусшепотом спрашивая так, словно нас могут слышать тени из черноты:

— Ты боишься темноты?

В этот миг единения наших тел я быстро разоткровенничалась, ведомая вслед за альфой до дивана и крепко сжимая его обжигающую жаром руку.

— В детстве, — начала я, — меня сильно напугали старшие братья. Тогда мне было где-то девять. Чондэ рассказал мне байку о призраках, а потом спустя день я вернулась в абсолютно пустой дом. Было очень темно и страшно, от криков мой голос был сорван. А братья разыграли целое представление, я тогда даже описалась от страха... Сейчас же ничего не могу с собой поделать — темнота пугает, в ней мерещатся

чудовища.

Рассказав всё этому человеку, я ощутила облегчение и прилив сил. Мой пульс стал ровнее, а хвост больше не стоял дыбом. Мой же слушатель внял всё спокойно, без насмешек или презрения. Просто погладил по голове и сказал:

— Раз так, сейчас будем спасать тебя от темноты! Посиди тут и ничего не бойся, сейчас я вернусь.

Конечно, отпускать этого мужчину мне никуда не хотелось, но пришлось пересилить себя и разжать руку, что всё это время сжимала его локоть до побелевших костяшек. Решение правда оказалось верным, ведь, вернувшись, альфа расставил вокруг нас свечи и зажёл их. Так тёмная ночь внезапно стала романтическим вечером наедине с моим истинным. Хотя скорее весь оставшийся вечер был очень неловким... Вокруг свечи из телефона, лиричная музыка, и мы сидим локоть к локтю — всё это слишком непривычно, странно и прекрасно.

Жаль, что лишь для меня. Ночью, как только мы разошлись по комнатам, я моментально уснула, снова переносясь в свой иллюзорный мир снов, словно в параллельную реальность.

В этот раз я валялась на спине на зелёном лугу посреди темнейшей ночи, но вокруг было очень светло из-за роя светлячков, что порхали повсюду. Рядом же, положив на меня большую морду, лежал мой самец, ласково рыча и называя меня по имени:

«Хикари»

Этот голос в мыслях был настойчивым и нежным. Но слышалось и другое: бархатистый тон рычания казался неодолимо родным. Своим носом я гладила свою пару и тоже звала по имени, сладко зевая:

«Крис»

На этом новый обрывок непонятных сновидений оборвался, оставив меня лежать на кровати с неумолимым чувством тоски и душащей печали. Не вернуло к жизни и опустевшая квартира без альфы.

По видимости, сегодня его мой завтрак не заинтриговал. Мысли сгущались над головой как чёрные грозовые тучи. Настроение опускалось до нуля — горизонтально и ровно по прямой. Не в силах сейчас думать, я решила принять душ и расслабиться, так как вчера просто не осмелилась на это.

Сегодня этого уже было не избежать: от меня начало неприятно пахнуть. Горячая вода приятно расслабляла тело, как и сильные струи массировали каждый миллиметр кожи. Набулькавшись вдоволь и обмотавшись полотенцем, я вышла и замерла, удивлённо моргая. Потому как нос к носу встретилась с учителем Ву. Он явно пришёл с улицы с кучей пакетов в руках и немного растрёпанный.

Но вскоре всё моё нутро взвыло, ведь перед этим холодным альфой я стояла полуголая. Сбежать в такой ситуации было глупо, и в своей манере это был вызов судьбы. Ифань же просто впал в ступор, дыша через раз, но при этом всей

грудью, жадно глотая воздух. Его зрачки были огромными, а запах так усилился, что мои ноги подкосились.

Осознав, что творит альфа, я быстро достал из кармана на груди пластинку с таблетками и залпом отправил в рот аж четыре, тут же выходя из коридора в гостиную, оставляя меня сидеть на полу и сгорать от стыда и желания. Но нужно было двигаться, поэтому до своей комнаты я легко доползла, обнаружив там пакеты с одеждой. Стало сразу теплее на душе, ведь этот человек позаботился обо мне.

Пустил пожить здесь, играя в прятки, так ещё и одежду купил. Но долго ли это продлится? Вряд ли. Скоро меня найдут, и всё закончится. Придётся возвращаться в ту клетку обычаев и жить в ней до самой смерти. От подобных мыслей возбуждение быстро спало, так что мне удалось одеться и выйти на кухню, увидев за готовкой Ифаня в том же фартуке, в котором готовила я.

От представшего вида еле удалось сдержать собственный хвост, так что он не стал хаотично метаться из стороны в сторону. Уши же наострились, отмечая, что альфа что-то тихо напевает. Пусть мелодия была и знакомая, различить, какая именно это песня, я не смогла.

Завтракали мы снова молча, и лишь после еды учитель Ву сказал:

— Хиери, тебе лучше не подходить к окнам. Кажется, за мной следили со вчерашнего дня.

Кивнув, я лишь тяжело вздохнула и с грустью в голосе

проговорила:

— Они напали на мой след. Значит, мой жених и правда приехал. Мне придётся просто рожать пока не умру как мама.

Кажется, мои слова зацепили моего собеседника, так как он сжал мою руку и так же тихо, успокаивающе ответил на незаданный вопрос:

— Тебе нужно набраться смелости и поговорить с отцом. Ведь если ты принесёшь потомство раньше двадцати пяти, это может постепенно привести к вырождению чистокровной крови. Это не пойдёт на пользу любому клану. Удивлён, почему ваш клан не в курсе этого природного явления.

Меня честно просто поразило такое познание не полужверя в нашей физиологии, поэтому я задала вопрос поражённым голосом:

— Учитель, откуда вы столько знаете об этом?

Альфа не улыбнулся в ответ, как обычно, лишь пожал плечами, отвернулся, сев в пол-оборота, и тихо ответил:

— Когда-то изучал подобную тему, забудь.

Его вид был таким отрешённым, что желание расспрашивать отпало само по себе. Я, просто взяв посуду, пошла мыть её, вскоре оставшись в одиночестве на этом десятке квадратных метров. Слова учителя озадачили меня. Неужели мой отец знает намного меньше, чем обычный человек без звериной крови? Стоит ли мне сказать ему об этом? Хотя он не станет меня слушать, сославшись на то, что так я всего лишь

отсрочиваю свой навязанный брак.

Когда вся посуда сверкала чистотой, я зашла в гостиную, тут же замерев, а если быть более точным — залюбовавшись. Ведь учитель сидел около открытого окна, читая книгу. Ветер, идущий от окна, оглушил меня его свежим ароматом, да и этот мужчина всегда был излишне красив. Его светлые волосы были растрёпанными, не то что в школе. Одежда выглядела так уютно, что хотелось прижаться к альфе и ощутить её мягкость и мятость. Но тяга оборвалась при встрече взглядов. Магия хоть и не пропала, но строгость в глазах напротив отрезвила пьянеющий от любви разум.

Жаль, уйти просто так не удалось, ведь учитель вальяжно встал и предупредил:

— Сегодня вечером я уйду на встречу, вернусь примерно около десяти, не теряй меня.

Кивнув, я быстро ускользнула, немного ревнуя. Может ли быть так, что у альфы уже есть возлюбленная? Что, если он отказал мне по этой причине?.. Лишь от этих мыслей стало невыносимо больно. До кровати еле добралась, ощутив болезненную пульсацию в животе. Мы же не пара, я не добиваюсь его, так почему же так больно сейчас? Невыносимо.

Как и обговаривалось, учитель уходит в оговоренное время, оставляя меня наедине с собой, полностью разбитую. Я долго провожаю его силуэт, стараясь не дать слабину и не броситься следом. Стоило же Ифаню исчезнуть за углом, моё время попросту замерло. Минуты тянулись невыносимо дол-

го, я не могла найти себе места в этой необъятной на эту секунду квартире. Сердце в груди стучалось еле-еле. Не зная, за что взяться, я схватилась за книгу. Ту, от которой так пленительно пахло моим альфой.

Перелистнув первую страницу, наткнулась на старое издание легенд. Первая страничка пестрела оглавлением, а дальше следовала легенда, которую и я много раз слышала в детстве:

«Первыми здравомыслящими существами земли были волки. Они смогли принимать человеческий вид. Но самое главное — лишь они могли найти свою истинную пару и охранять её всю свою жизнь. На древних полях они носились в ночи лунного лика, отыскивая свою омегу. Лишь от истинной любви могли родиться истинно чистокровные волки, что могли с силой своей крови жить тысячи лет. Положил начало роду бог Вульф — огромный белоснежный волк. И был род его королевским, сильней и крупней обычного волка, с глазами, в которых отражался мир и целая планета в своём цветении. Он подарил всем ту самую искру истинности, чтобы даже обычный человек независимо от различий тела мог отыскать свою суждённую небом пару».

Начинало смеркаться, и глаза стали пощипывать от чтения таких древних писаний мелким почерком. Хотя восторг от этой легенды дарил тепло и трепет. Дал о себе знать и желудок, пришлось отложить книгу и пройти на кухню. Найдя на дне холодильника вкусный десерт с запиской:

«Не переживай, всё будет хорошо».

Всего пару строк вернули меня к жизни, но почему-то по глазам побежали нечаянные слёзы. Я так сильно люблю этого человека. Пусть он не зверь, но он лучший на этой планете. До исступления хочу именно от этого альфы детей и даже больше — мечтаю связать с ним свою жизнь. Если этот бог создал пару каждому, почему он так обделил меня? За что я должна обжигаться о любимого человека, слышать о том, что не нужна ему, и никогда не буду?

Жуя эту сладость, еле сдерживаю рыдания и утираю текущие сопли. Наревевшись вдоволь, я обнаружила одну странность: комната альфы была не заперта. Так что, откинув договор и свой нор, мне хватило сил переступить порог, воровато оглядываясь. В прошлый раз, тем самым утром, так и не удалось ничего рассмотреть. Сегодня же, пройдясь по всему периметру, я сразу поняла, как уютно в этой спальне. Тут витал дух моего альфы. Ещё взгляд сам скользнул к старому рисунку на свитке. Там была изображена девушка, но что было ещё более удивительно: она как две капли воды была похожа на меня. От губ до глаз и даже цвета волос. Разве что у неё они были длинными и немного вьющимися — не ровня моим укороченным.

Но при виде этой старой картины моё сердце встрепенулось. В горле встал ком, а ноги подогнулись. Почему-то такой образ мне казался родным и до боли знакомым. Словно это наваждение, иллюзия. Неужели у него была другая? Та,

кого он так и не смог забыть? Ревность острой иглой вонзилась в грудь. Но мою начинающуюся истерику прервал звонок телефона.

Вытащив его из кармана и увидев номер учителя, я тут же ответила, вздрогнув, когда в ответ раздался грубоватый голос отца:

— Хиери, возвращайся домой. Мы с учителем подождём тебя. Внизу уже подъехала машина.

На последних его словах я уже мчалась вниз по лестнице, ужасаясь от того, что из-за меня невинный, хоть и любимый мной человек, попал в беду. Одновременно молилась небесам, чтобы он был в полном порядке, прекрасно зная нрав отца и братьев и помня о приезде своего жениха. Скорее, скорее... — паниковало моё нутро, да так удачно, что я споткнулась и сильно до крови расцарапала колено и локоть.

Как и говорил папа, машина ждала меня на стоянке напротив дома. В ней также поджидал и Джонхён, виновато прятавший глаза. Что-то не так... страшно. Друг другу мы не сказали ни слова, просто потонув в напряжении. Машина же неслышно съехала с места, и лишь перед самым домом мой брат прошептал еле слышно:

— Прости за наш напор, Хиери.

На это у меня не было ответа. Они нашли для меня лучшую приманку, и клюю я на неё с пониманием всего груза ответственности. Ведь даже смерть не страшна, если она ради моего холодного зеленоглазого альфы.

Глава 4: Танцуют тени прошлого

Машина до моего собственного дома двигалась словно улитка. Мне же было не по себе. Однако когда мы заходили в дом, сил хватило лишь на то, чтобы сделать непроницаемое лицо. Там, в общем зале, я увидела то, чего и не ожидала. Мой отец и Ифань сидели и очень культурно попивали чай, обмениваясь вежливыми улыбками. Почему-то от этого стало лишь больнее. Мне правда было страшно за альфу, я смогла бы отдать за него жизнь, а он просто сидит и пьёт чай.

— Что здесь происходит, учитель Ву? — спросила я, ощущая дрожь во всём теле и крепко сжимая руки в кулаки. Он же улыбнулся мне легко и ответил, как всегда, с деловым осадком в голосе:

— У тебя были проблемы с семьёй, и я решил поговорить с твоим отцом. Объяснил ему всю ситуацию. Поэтому ты сможешь закончить школу, и никто не будет принуждать тебя к размножению без твоего прямого согласия.

Его слова убивали меня. Да, точно, этот человек никогда не видел во мне свою пару. Я знала это, но надеялась на что-то... другое. Он сам давал мне крупицы этой веры, что сейчас пылали, сгорая в моей груди. Мне стало не по себе, сил хватило только на то, чтобы присесть на предложенный стул. Мой взгляд потух, мир света для меня погас. Его задавила реальность, от которой бежать было глупо изначально.

Стоило мне кивнуть в ответ, как учитель встал, поклонился моему отцу и вышел в коридор, спускаясь на первый этаж. Он не успел уйти, как в комнату к нам ворвался незнакомый альфа. Он был высоким брюнетом, наполовину не азиатской внешности. От него пресно несло болотом, меня моментально замутило. Отец же встал и собирался представить этого типа. Но я знала, кто это, — несомненно, никто иной, как приехавший жених. За ним находился ещё один альфа, немного крупнее, и это явно был его телохранитель. Папа помог мне встать и, улыбнувшись, громко с радостью заявил:

— Хиери, этот молодой человек — Джексон Ван, он твой жених по договору. Немного постарше тебя и уже студент. Вы будете прекрасной парой!

Ответить папе не было сил, как и взглянуть на незнакомца. Моё сердце разрывалось на клочки, и его разносило ветром по галактике с метеоритными дождями. У меня не хватило сил также и увернуться от неожиданного удара, последовавшего от жениха. Сначала лицо, а потом и грудь обожгло острой болью, слух же заложило от рычания.

— Как ты посмела сбежать, мелкая дрянь! — прикрикнул он. — Если я узнаю, что ты потеряла невинность, всю оставшуюся жизнь будешь жить со слугой и рожать лишь детей.

Высший свет волчьих кланов раньше никогда не пугал меня, но сейчас я прозрела: наш клан — ничто на их фоне. Этот ублюдок, что будет плодиться со мной, не считает меня за личность. Да, мой удел — быть инкубатором. Невзирая на

боль и кровь, идущую из носа, слёз не было. Похоже, эта моя способность пропала насовсем с уходом любви из моей жизни. Никто не заступался за меня, даже отец попросту отвернулся. Мои глупые иллюзии были окончательно развеяны: я не его любимое дитя, лишь вещь на продажу. На ватных ногах мне удалось подняться и, гордо выпрямив осанку, высказать свой ответ, не отводя взгляда и не опуская его в пол:

— Как скажете, господин. Уж лучше в будке с собакой, чем с вами в постели.

Стоило закончить говорить, как удар в живот вышиб из меня весь кислород. Но в ответ раздался лишь мой истеричный, на грани безумия смех. Зрение стало размытым, а сердце словно замерло, окончательно перестав биться для кого-то. Мой рок настиг меня в эту самую секунду, забрав самое дорогое и окунув в кошмар, в котором я буду жить до своей смерти.

За предыдущим ударом последовал следующий, и я, глотая кровь, лежала на холодном полу, улыбаясь будущему супругу и родственникам назло, даже не заметив, как в зал вернулся учитель. Он принюхался, стал серьёзным. Но мои мечты не сбылись: он не бросился ко мне, не сжал в объятиях, лишь стоял как вкопанный, не сводя с меня взгляда. На секунду мне померещилось, что от него исходит звериное рычание, но потом этот звук сложился в слова:

— Я отдавал вам её не для того, чтобы ей причиняли боль. Услышав это, мой жених отвлёкся и с наглой миной подо-

шёл к учителю, заявляя:

— Она моя самка, что хочу, то и делаю! Иди куда шёл, дядя!

Сил на смех в этой ситуации не было, но слёзы как назло скопились в глазницах, когда Ифань сделал шаг назад. Конечно, он не животное, и ко мне чувств у него нет. Ни к чему ввязываться в спор, думала я, не отрывая от альфы взгляда. Но, отойдя, этот человек остановился, его глаза блеснули ярко-зелёным, а затем комнату облетело всего пару слов:

— Вы поплатитесь.

— Ой, как страшно, — начал паясничать Джексон, а затем замер с открытым ртом, ведь учитель стал мгновенно, куда быстрее обычного полузверя, трансформироваться в огромного белого волка.

Таких я ещё не видела: он был больше даже моего отца, притом на полметра не меньше. При виде этого зверя мне не было страшно, внутри всё трепетало, а голова кружилась. Почему этот зверь, дерущийся с моими обидчиками, был так мне знаком?.. Словно это не первая наша встреча. Моё волчье начало брало верх, учитель же явно разошёлся, медленно рыча, подходя к моей родне. Тогда я поползла к нему, шипя от боли и тихо прося:

— Крис, остановись...

Стоило лишь сказать это, как мой разум помутился, и в сознании застрял лишь один вопрос:

«Почему я назвала именно это имя?»

В голове творится полный бардак, словно глубоко внутри раскрылась потайная шкатулка, ведь воспоминания так усердно пытались прорваться сквозь пелену сна.

&&&&&&&&&

В этот раз следую за знакомым голосом, что повторяет без остановки:

— Хиери, Хиери, Хиери...

Иду на этот звук и проваливаюсь в осколки своей памяти. Перед глазами возникает огромный белый волк, что превращается в мужчину. С длинными белыми волосами, стянутыми в хвост, и с идеальным телом. Лунный лик освещает его, придавая его зелёным глазам ещё больше света. Я же не могу двинуться с места, замороженная видом этого самца, его ярким запахом. Хвост альфы немного виляет, выказывая заинтересованность, и мне от этого хватает смелости перевоплотиться. К сожалению, я не так красива — обычная внешность, да и совсем не редкий лесной запах. Но незнакомец не выказывает недовольства, прожигая меня насквозь, и спрашивает:

— Как тебя зовут, девушка?

Смущаюсь мягкости в его голосе, но отвечаю на заданный вопрос, трепеща всей омежьей натурой:

— Хикари, я Хикари. Можно мне узнать ваше имя?

Альфа, чувствуя моё волнение, ведёт носом, а потом подходит ближе, легонько касаясь моих тёмных волос, низким баритоном выдыхая слова:

— Я Крис, и ты будешь только моей до конца вечности!

Не знаю, почему улыбаюсь, согласно кивая. Просто в голове теплится мысль, что так и надо. Не успеваю насладиться нашей первой встречей, как одно воспоминание сменяется на другое. В нём я слышу крики жителей нашей деревни. Мои руки крепко сжимают наших сыновей, защищая мальчиков. Хвост же топорщится. Но главное не это. Перед глазами мой альфа падает без чувств, оглушённый нападающим кланом огненных падальщиков. Я до безумия хочу кинуться к нему — но дети. Кто тогда защитит их? Прижимаю своих комочков ещё сильнее, тихо повторяя:

— Не плачьте, мои полярные волчата. Не показывайте страха, иначе вы не дети своего отца... — не успеваю договорить всего лишь слово, как грудь обжигает острая боль. Несмело смотрю на рану, видя, как стрела пронзила лёгкое, остриё же вышло сзади по ощущениям. Дышать становится невыносимо больно. Но подавляю слёзы и зажимаю глаза альфочкам. Почему наша любовь заканчивается так? Ведь мы должны были быть вместе навечно. Слёзы грязными лужицами скатываются по моим щекам на шею и грудь. Вижу, как идут враги — они всё ближе. В их глазах горит жажда крови. Зная их любовь к пыткам, достаю свой кинжал. Руки дрожат, а сердце почти останавливается, когда лезвие входит со спины в сердце моего первенца. Он затихает быстро, хрипя напоследок. Второй же сын поднимает голову и смотрит мне в глаза, тихо шепча:

— Мама...

Вытираю его глазки, целую в лоб и говорю ласково:

— Смотри на меня, моё солнышко.

Быстро ввожу в хрупкое, ещё не налившееся силой тело острый нож.

Когда и второй мой малыш затихает, начинаю рыдать в голос, разглядывая свои окровавленные руки, навеки запечатлев угасающий свет в мутных глазах младшенького сына. Но враги не успевают подойти ко мне близко. Вырываю из своей груди стрелу, задевая наконечником сердце. Удивительно то, что мне не больно, только очень горько. Глаза закрываются сами, а сознание быстро погружается в небытие. Последнее, что успеваю прошептать, — это наша клятва:

Мы будем вместе до скончания времён. Я обязательно вернусь к тебе, Крис, мой вожак и моя судьба.

От слишком яркого кошмара вскакиваю быстро, тут же падая с кровати. Вся моя грудная клетка горит огнём, а лицо в слезах. Рыскаю взглядом по комнате, рыча и кого-то ища. Пока не осознаю, что это будущее, другая реальность. Я же нахожусь дома у Ифаня, или по-другому — того самого Криса. Осознавая это и наше общее прошлое, подрываюсь с пола и выбегаю в гостиную, а затем на кухню. Но нахожу альфу я в его спальне. Он стоит около окна и любуется на полную луну в зените. Подхожу к нему в гневе, резко его разворачивая и рыча.

Крис, видя мой гнев, болезненно улыбается и спрашивает:

— Ты наконец-то проснулась. Ты сильно кричала. Что тебе снилось?

— Мне снилось наше прошлое, а если точнее — смерть наших детей, — говорю это в гневе, видя, как сильно расширяются зрачки напротив.

Сейчас с грузом разных воспоминаний к нему меня тянет лишь сильнее. Внутренние демоны знают, что он принадлежит мне — и это не изменить столетиями. Но в противовес не отпускает чувство обиды за его холодность. Лишь за это отвешиваю Крису болезненную пощёчину и тараторю, истеря:

— Ты с самого начала должен был узнать меня! Я даже ничего не помня, осознала наше родство душ, а ты? Как ты мог так поступить?! Мы должны были снова быть вместе, ради наших детей и их смерти от моих рук.

Под конец тирады моё лицо снова намокает от слёз, а руки вцепляются в рубашку альфы, комкая идеально выглаженную ткань. Но главное даже не это: на нервах не сразу осознаю, что между ног становится влажно от возбуждения. Понимая это, отпускаю грудки альфы и делаю шаг назад, ощущая холодок по спине.

Ифань же судорожно ищет в кармане те самые таблетки, что принимал вчера. Но пачка оказывается пуста и с треском летит на пол.

— Хиери, пожалуйста, уйди и запрись в своей комнате, — говорит альфа немного рычащим голосом, но я не реагирую,

заворожённая сильным запахом самца.

Пусть не все мои воспоминания вернулись, но, чувствуя этот запах, ощущаю сильнейшую похоть и острое желание. Да и течка даёт о себе знать, просто примораживая мои ноги к одному месту. Поэтому даже ухом не веду, когда Крис делает шаг навстречу, сияя своими зелёными, как мир, глазами. Он же идёт на меня, даже не моргая, и говорит то, что я, наверное, так жаждала услышать:

— Тебе легко говорить. Но знаешь, что я обнаружил, когда очнулся? Это было пепелище. И каково мне было знать, что моя любимая семья сожжена, что я не смог вас защитить? Поэтому, встретив тебя через столько столетий, я испугался. Испугался повторения той ситуации. Если привяжусь и потеряю в этот раз — это меня убьёт. Ты для меня не просто омега, куда больше! Но знала бы ты, что после твоей первой ночёвки в этой квартире я неделю мучился от гона. Да и вообще живу на таблетках рядом с тобой. Однако подавители с каждым днём помогают всё хуже. Ты же преследуешь. Мне страшно от того, что я могу сделать с тобой после стольких лет воздержания. Это ведь не сто и даже не двести, а не меньше семисот столетий моего одинокого скитания. Убегай, хорош...

Прерываю эти дифирамбы, подходя к альфе плотнее и накрывая его губы моими. Он удивляется, вдыхает мой аромат полной грудью, стискивая меня в охапке рук и немного рычит в этот страстный поцелуй. Обнимаю в ответ его шею

и дрожу от наслаждения. Даже и представить не могла, как приятно вернуться в плен этого зверя. Виляю хвостом, больше не контролируя своё тело, и взвизгиваю, когда он перехватывает его и сжимает у основания. Смотрю обиженно, но даю гладить себя против шерсти, выгибаясь навстречу и цепляясь за альфу. Ифань нетерпелив, быстро оголяет моё тело, стараясь не портить одежду. Благо это получается, как и мой полёт ласточкой на кровать. Алею под откровенным взглядом моего альфы, наблюдая, как оголяется и он. Его тело всё так же красиво, а в лунном свете напоминает нашу первую ночь. Ту самую, посреди волчьих цветов. Сейчас моё родимое пятно со старой меткой на шее невыносимо горит. Жар растекается по всему телу. Крис не торопится застичь меня врасплох, начинает с поцелуев, со скулы переходя на шею к ключицам, прикусывая легонько косточки и лаская чувствительные соски. От неожиданности вскрикиваю, ощущая, как низ живота наливается тяжестью, а между ног становится всё влажнее. Зрачки моего волка сейчас просто огромные, такие же, как полная луна за окном. Её свет отбрасывает наши тени прошлого на всю комнату. Мой голос срывается в столах, пока Ифань расцеловывает мой живот и продвигается ниже, к самому сокровенному.

Открываюсь ему без страха, вздрагивая от того, как мягкие горячие губы касаются моей плоти. Пальцами вцепляюсь в его плечи, царапая немного отросшими когтями. Сейчас, как никогда, тяжело контролировать человеческую форму.

Крис знает эту слабость, поэтому немного покусывает мои бёдра и возвращается к губам для поцелуя, следом поднимаясь выше и прикусывая прижатые к голове уши. Это невыносимо приятно и сойдёт за самую эрогенную зону. Не в силах переносить такое, дёргаюсь. Альфа смеётся своим бархатным голосом и ложится сверху, устраиваясь между моих раздвинутых бёдер.

Чувствую, как его член касается входа, и замираю в ожидании. Крис медленно, сантиметр за сантиметром, входит в меня, давая привыкнуть. Он входит до конца одним толчком и замирает, рыча мне в ухо. Ждёт, когда смогу податься ему навстречу.

На привыкание уходит немного. Раскрываюсь ему, выгибаясь в пояснице и подаваясь бёдрами навстречу. Надолго моего самца не хватает, особенно когда он видит свою старую метку на моей шее. Его язык проходится по отметине, а я задыхаюсь в стоне. Это служит сигналом — альфа знает моё тело слишком хорошо. И пусть это моё новое тело, но и спустя века оно помнит зверя, предназначенного ему судьбой.

Стискиваю зубы и двигаюсь, гася искры перед глазами от глубины проникновения. Крис начинает двигаться, сначала медленно, а потом всё быстрее и глубже. Давлюсь кислородом, которого чертовски мало. Звериные инстинкты берут верх, открываю рот, ловя воздух.

Поцелуи альфы ложатся на тело болезненными отметина-

ми. Я чувствую, как его дыхание сбивается, как клыки удлиняются, касаясь моей шеи. Внутри всё замирает в ожидании.

Но укуса не следует.

Крис замирает, тяжело дыша, и вдруг утыкается лбом в мою шею, прямо над старой меткой. Его тело дрожит от напряжения. Он сжимает простыни с такой силой, что костяшки белеют.

— Не могу... не сейчас... — хрипит он едва слышно. — Боюсь...

Моё сердце разрывается от нежности и боли. Обвиваю его руками, прижимая ближе, и шепчу:

— Я здесь. Я никуда не уйду. Когда будешь готов...

Он не отвечает. Только сильнее прижимается лбом к моей шее, и я чувствую, как его ресницы щекочут кожу — влажные.

Вместо метки он оставляет на моём плече лёгкий, почти невесомый поцелуй. Клятву, а не приговор.

А потом мы просто лежим, переплетённые, и луна за окном смотрит на нас своими холодными глазами.

&&&&&&&&&

Наши гонки в несколько подходов продолжаются до самого утра. Под утро совсем не чувствую тела. Так измотана, что забываюсь крепким сном, и в этом глубоком омуте слышу тихий шёпот моего альфы:

— Забудь обо всём, Хиери.

Прихожу в себя от яркого солнечного света в глаза. Уста-

ло потягиваюсь, садясь и мутным взглядом осматривая свою комнату. Всё тело до ужаса болит и пульсирует, особенно низ живота и шея. Копаюсь в памяти, списывая всё это на избивения тем придурком-женихом. После этого в голове провал. Понимаю, что, наверное, попросту отключилась от боли, не зная, радоваться или нет, что учитель Ву заступился за меня. Да, хорошо, наверное. Но надеюсь, он не пострадал, ведь его геройство было простым беспокойством учителя об ученице.

От этого осознания невыносимо горько. Прижимаю к себе подушку и беззвучно плачу в неё. Для этого человека я никто, и мне с этим давно пора смириться.

Глаза быстро опухают от моей минутной слабости, что перерастает в часовое пускание слёз. Но всё же нахожу силы встать и дойти до ванной. Там быстро умываюсь и бреду по стеночке на кухню, находя там записку аккуратным академическим почерком:

«Хиери, позавтракай и возвращайся домой! Ты больше не можешь жить у меня, у нас договор с твоим отцом. Жду тебя в школе, как оправившись...»

Невыносимо больно чувствовать холод даже в этом клочке бумаги. Закрываю глаза, чтобы не разрыдаться по новой. Просто быстро завтракаю, одеваюсь и выхожу из квартиры, заперевав её на ключ. Долго верчу железячку в руках и размышляю, через кого можно вернуть. Идеальный вариант — это Бекхёни, на ней и останавливаюсь. По пути заезжаю к по-

друге и оставляю ключик ее матери, отправляя сообщения с указаниями. Сразу после выключаю телефон и покорно вхожу в свой ненавистный дом. Там меня почти у порога встречает отец и заботливо осматривает. У него сейчас крайне серьёзные глаза, что светятся заботой, и голос нервный.

— Хиери, тебе нужно уйти, — тихо произносит он. — К Чимину или к другу, как можно быстрее.

— Почему, папа? Что случилось? — задаю ему вопросы, ощущая панику внутри. Он смотрит ласково в ответ, целует в лоб и шепчет:

— Ты так сильно похожа на свою мать, моя девочка. Такая же красивая и нежная. Прошу тебя, уходи.

Чувствую подвох в этой напускной ласке, поэтому обегаю отца и забегаю в комнату, видя там всех альф нашего клана явно в боевой готовности. Глаза мои расширяются от осознания: будет битва, и, судя по лицам братьев, она окажется смертельной. На эмоциях подхожу к Чондэ и спрашиваю, глядя ему неотрывно в очи:

— Рассказывай, что произошло?

Он же мнётся под строгим взглядом отца, но всё же еле слышно отвечает:

— Наследник клана, с которым у нас брак по договору, в больнице, как и его телохранитель. Всю вину свалили на нас и пообещали уничтожение. Но мы не виноваты, их даже не в нашем доме обнаружили. Поэтому, Хиери, уходи и живи за всех нас, хорошо?

— Ну уж нет! — отвечаю грубо и говорю то, что действительно думаю: — Я буду сражаться с вами. Хоть я и омега, но смогу загрызть на вскидку пару альф.

Папа видит решимость, плещущуюся на дне моих глаз, и, поникая плечами, кивает. Принимаю это за согласие и обращаюсь в волчицу вместе с другими, мысленно прощаясь с самым дорогим моему сердцу человеком. Хотя к чему сердечные муки — альфа и не вспомнит обо мне.

День перед сражением протекает быстро. Все сейчас на чеку и дежурят на своих постах. Я же сплю в доме, свернувшись комочком, стараясь отчаянно вспомнить свои старые сны. Но на их месте просто чёрные дыры какие-то. Это перед намеренным самоубийством немного пугает, но сдерживаю отчаянье, перевоплощаясь в человека и звоня учителю. Он отвечает не сразу, где-то с третьего набора. Голос его звучит лениво и сонно. Улыбаюсь такому звучанию, тихо говоря то, что думаю:

— Учитель Ву, простите, что разбудила! Я хотела лишь сказать спасибо за то, что столько времени терпели меня. За то, что приютили, я была так счастлива быть с вами рядом. Спасибо огромное за эту встречу. Навряд ли мы ещё сможем увидеться, это моё прощание... Надеюсь, вы найдёте свою судьбу. Прощайте!

Отключаюсь после сказанного быстро, не в силах услышать ответ, тихонечко присаживаясь у окна. За ним на город уже опускается ленивый закат — багряно-красный, словно

слышится и что-то знакомое, неуловимое. Не знаю, почему выхожу из дома не перевоплотившись, и наблюдаю своих ошестинившихся братьев и огромного белого волка, что легко перемахивает через ограду, сжимая в зубах чью-то тушу. Даже отец пятится. Я же иду навстречу, не в силах остановиться, пока не подхожу совсем близко и не чувствую горячее дыхание гигантского хищника. Его глаза чем-то схожи с тем, как выглядит планета Земля. Вглядываюсь в них и вспоминаю легенду из той потрёпанной книги. Может ли быть, что это потомок бога Вульфа? Сейчас важнее другое: почему я совсем не боюсь этого зверя? Даже когда из его пасти вываливается на землю, усыпанную травой, окровавленный труп волка.

Загипнотизированная, тяну к нему руку, и он подставляет мне свою морду. Так и замираем, пока он не пятится и снова не сигает через ограду, оставляя меня с острой пустотой в душе и почти остановившимся сердцем. Лишь потом перевожу взгляд на израненного волка, который перевоплощается в незнакомого мне человека. Ситуацию проясняет подошедший к месту отец. Он вглядывается в лицо трупа, тихо констатируя факт:

— Это глава того клана, что хотел на нас напасть. Кажется, нас только что спас этот огромный волк. Не знаю, кто это, но спасибо ему.

А я, слушая всё это, сетую, почему не различила аромат этого существа, оглушённая вонью крови? Моё сердце в гру-

ди неистово мечется. Хочется броситься следом за волком с зелёными глазами, но его силуэт уже давно растаял в лунном лике. Остаётся лишь глядеть ему вслед, надеясь на ещё одну встречу.

Глава 5: В лунном лице

Наверное, избегать встречи с определённым человеком — это неправильно. Но я ничего не могу с собой поделать. С тех пор как вернулась в школу, окунулась с головой в учёбу и стараюсь не пересекаться с учителем. Ведь мои чувства никуда не делись, они затаились глубоко внутри и иногда причиняют боль. Невыносимую, но прекрасно отрезвляющую, ведь после всего случившегося мне известно, что чувствует ко мне альфа. Также теперь меня не заставляют силой выходить замуж, и время после школы перестало напоминать топкую трясиину. Благодаря одному белому волку яркий луч осветил моё будущее, вытащив мою душу из вязкой холодной тьмы.

Размышляю об этом, листая математический учебник, конечно, наполовину витая в облаках. Как давно мы не виделись с учителем? Месяц? Наверное, даже больше... Подавители помогают мне отбить нюх и обезопасить себя от течки вне периода. Бэксхёни служит мне прекрасным прикрытием, утаскивая меня подальше, когда мои ноги становятся ватными при встрече взглядами с арбузным альфой.

От грусти меня отвлекает как раз омега, как всегда ероша мои волосы и говоря:

— Проснись и пой, подруга! Хватит витать в облаках, вернись в реальность и пошли на физкультуру.

Киваю ей рассеянно и просто бреду следом за ней, цепляясь взглядом за знакомый силуэт вдали, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов. Моё сердце оглушает меня, а руки начинают дрожать при его приближении. Бек же не обращает на мою растерянность внимания, и когда я оборачиваюсь, она уже находится в конце коридора. Я же врезаюсь в учителя лоб в лоб и теряю дар речи.

Он улыбается мне со странной грустью в глазах и тяжело вздыхает. Видя это, невольно, не осознавая, что делаю, тяну руку к его лицу, желая коснуться. Но одёргиваю её, словно обжегшись огнём, когда учитель Ву спрашивает меня:

— Хиери, как твои дела? Твоя жизнь стала лучше?

Зависаю на этих лёгких и непринуждённых вопросах и не сразу отвечаю, отчего ситуация начинает выглядеть всё глупее. Но я вовремя прихожу в себя, поправляю рукава рубашки, натягивая их ниже, и отвечаю немного поломанным от волнения голосом:

— Я... у меня всё хорошо. Отец наконец-то дал мне свободу. Поэтому после школы я пройду прослушивание в лучший музыкальный вуз страны и исполню свою мечту.

К концу моей болтовни вся неловкость пропадает, и я чувствую острое родство с этим альфой. Ифань мою воодушевлённую речь с запинками слушает очень внимательно и вновь улыбается грустно и натянуто, тихо говоря:

— Это прекрасно! Надеюсь, однажды я услышу, как ты поёшь на большой сцене.

Соглашаюсь с этим, не издав ни звука, ощущая гнетущую пустоту в груди.

Сказав всё это, он уходит, а я готова кинуться в слёзы от опустошения и паники. Не понимаю, почему так горит моя измученная душа. Завтра ведь мы снова увидимся, почему же так больно? Делаю шаг за удаляющимся силуэтом и словно просыпаюсь ото сна, когда рука Беки ложится на плечо. Иду вслед за ней, оглядываясь за спину и вглядываясь в пустоту.

В раздевалке как всегда творится фирменный дурдом. Хорошо, что хотя бы все альфы отдельно переодеваются. Следом идёт и физкультура с активным бегом на стадионе и чувством беспокойства, которое не отпускает. Нервничаю и даже огрызаюсь на учителя. Пока не улавливаю разговор одноклассников.

— Слышал? Сегодня учитель Ву уходит из школы. Ему пришлось отрабатывать аж три недели после подачи заявления, пока замену не нашли.

— Угу, жаль. Такой был классный и красивый!

Не успеваю даже дослушать их речь, вскакиваю как обожжённая и, не слушая крики тренера, уношусь в чём была к воротам школы, поймав первую попавшуюся такси и называя адрес Ифаня. Слова учеников до сих пор гудят в моей голове, не давая остальным звукам проникнуть под оболочку. Не могу сосредоточиться, сердцу сейчас как никогда больно, а ещё до безумия страшно и холодно. Хоть вой на

луну, но сдерживаю животные инстинкты, отчаянно грызя от нервов ногти. По пробкам на дороге уходит почти полчасика. Из-за них моя нервная система трещит по швам. Гипнотизирую водителя недобрым взглядом, по приезду отдавая ему деньги, что лежали в форме.

Лифт как назло оказывается заперт, поэтому с одышкой бегу по лестнице к нужной двери, колотясь в неё как свихнувшаяся психопатка. Благо открывают мне сразу, вот только делает это не учитель Ву, а незнакомый мне аджосси. У него тёплая улыбка и мягкие карие глаза.

— Здравствуй, ты кого-то ищешь?

Запыхавшись, не могу ответить нормально, поэтому просто киваю, а, глубоко вздохнув, спрашиваю полусшепотом:

— Учитель Ву... он тут?

Дяденька на этот вопрос отвечает мягким спокойным голосом, именно им вгоняя меня в могилу:

— Нет, извини, ты, наверное, его ученица. Господин Ву сегодня улетает в другую страну, вроде как у него там контракт. Ты опоздала где-то на час.

Стараюсь от услышанного не упасть, держусь за стену и, улыбаясь через силу, спрашиваю:

— Он не сказал, куда летит?

— Извини, нет.

Услышав окончательный ответ, разворачиваюсь и медленно иду по ступенькам вниз. Сейчас в животе у меня тяжело, голова же раскалывается от боли и тревоги.

— Значит, это было прощанием... — шепчу сама себе, вспоминая нашу стычку в школе, и не сдерживаю нахлынувших слёз, усаживаясь на ступеньки и рыдая в голос.

Это больно, в самом деле невыносимо больно. Я знала, что однажды альфа исчезнет из моей жизни, но только не так. Сейчас, в эту минуту, я к этому совсем не готова. Ощущение такое, будто земля ушла из-под ног, и я замираю над Ниагарским водопадом за пару секунд перед падением. Лёгкие обжигает жалобными воплями, сердце — оно словно трещит по швам, сшитое белыми нитками из прошлых событий.

Так в моём личном аду проходит где-то час под жалобными взглядами жителей этого дома и прохожих, пока я бреду в неизвестном направлении по незнакомому парку. Медленно, но верно всё случившееся меня отпускает из цепких лап, давая возможность протрезветь изувеченному мозгу. Опомившись, не пугаюсь, просто прошу телефон у проходящей мимо омежки и звоню Джонхёну. Он приезжает быстро, на время забирая меня в свой дом и окружая заботой.

Первая неделя после утраты протекает слишком долго — как для человека, так и для волка. Я теряю ощущение реальности, страдая от странных кошмаров.

В них в моих руках нож весь в крови, а перед взором чьи-то очень знакомые очи, в них потухает искра жизни. Не могу стереть эту картинку, даже наяву боясь закрывать глаза.

Но ради того, чтобы не загромоздить в психушку с лёгкой руки отца, иду в школу. Сильно исхудавшая от того, что ку-

сок в рот не лезет, и с синяками под глазами от недосыпа. Уже перед воротами меня встречает Бекхёни, сильно обнимающая, но ничего не говоря. Она осознавала, что ответа не получит, даже если захочет. Я же стараюсь не всматриваться в каждого встречного, высматривая своего альфу. Тёмной тенью просто проскальзываю в класс и сажусь к окну под лёгкий ветерок.

Первый урок пролетает совсем незаметно, не обращаю внимания на нового классного руководителя. Теперь обычные люди мне совсем не интересны, нет смысла их изучать. Одного ожога для моей сущности вполне достаточно. Вот только внешний мир не хочет меня отпускать. Новый учитель отчитывает меня за то, что я считаю ворон, и отправляет в учительскую унести тетради и навести там порядок.

Послушно беру в руки целую грудку и иду к двери, совсем не чувствуя слабости. Бэкхени, что явно собирается увязаться следом, останавливаю лишь взглядом. Сейчас мне хочется побыть наедине со своими мыслями и страданиями.

Разобраться в себе и в том, как сделать шаг вперёд из этой заводи. Ведь омут не отпускает, напоминает о чувствах и ранил снова и снова.

В своих размышлениях быстро захожу в нужный кабинет и на автомате начинаю приборку, так и не возвращаясь в реальность из мыслей. Ровно до того момента, как до носа долетает пленительный запах арбуза и хвои. Это приводит меня в чувство как пощёчина. Оглядываюсь быстро и иду на

аромат. Сердце в груди трепещет, а руки потеют от волнения. Но альфу я своего не нахожу, он не прячется под столом — какая же глупость! Лишь натыкаюсь на небольшую подарочную коробку. Обнюхиваю её ещё раз и роняю горячую слезу, видя надпись сверху:

«Хиери»

Руки дрожат, когда вскрываю эту жемчужного цвета коробочку, чувствую удушение и совсем чуть-чуть радость. Внутри же оказывается мягкий зелёный шарф с довольно длинной запиской:

«Хиери, прости, что не попрощался, зная о твоих чувствах. Но я не люблю прощаться, это очень сложно для меня. Наверняка сейчас ты сильно страдаешь, отдаляешься от мира и от людей. Поэтому прошу тебя, не делай этого. Ведь ты сказала мне, что исполнишь свою мечту, и я услышу, как ты поёшь. Поэтому хорошенько укутывай шею и береги связки. Прощай...»

Дышу глубоко с открытым ртом после прочитанного, словно выныриваю из воды и задыхаюсь. Ноги подводят, и я с болью падаю на пол, ударяя колени и чувствуя, как намокают мои щёки. Нет, это не слёзы облегчения — всё намного хуже. Боль в сердце невыносимая, но спасает всего пара слов, написанных аккуратным почерком. Он хочет услышать, как я пою. Это значит, что он вернётся? Могу ли я держаться за эту тонкую нить? Моя душа хочет верить в эту почти долевшую искру надежды. Зацепившись же за это, вымученно

улыбаюсь и смотрю на небо сквозь мокрые насквозь ресницы и шепчу:

— Я стану такой популярной, что мой голос найдёт тебя, где бы ты ни был, Ву Ифань!

«Так держать...» — мерещится мне в ответ голосом учителя, и я встаю с новым стержнем внутри. Слезы высыхают, а лицо светлеет. Нет ничего невозможного, земля круглая, и мы обязательно встретимся! Даже если и не будем вместе, я смогу показать ему, насколько сильна.

Мои друзья встречают меня уже около двери, явно обеспокоенные моей задержкой.

— Ты снова ревела в одиночестве? — задаёт вопрос Чанель, мрачняя лицом.

А я в ответ лишь крепче прижимаю к себе шарф, от которого остро пахнет арбузом и хвоей, и отвечаю с широченной улыбкой:

— Нет, конечно! Чего вы все такие мрачные? Пошли на урок. Будем прогуливать — не сдадим экзамены!

Опережаю их всех, а они не догоняют, следуя на отдалении, уступая мне пространство. Я же, оборачиваясь к этой компании и подмигивая, с воодушевлением продолжаю свою оправдательную речь:

— Этого я себе позволить не могу, ведь на будущее у меня грандиозные планы!

Бекхёни, видя моё воодушевление, быстро догоняет меня и, обнимая, кричит на весь коридор:

— Она вернулась!

Раздаётся ответный смех, и вся грусть испаряется так, словно её и не было. Всё прошлое — тлен, впереди жизнь, и в ней есть свет, хоть далёкий и недостижимый. Я справлюсь, обязательно... Мне кажется, это мой долг, но перед кем?!

&&&&&&&&&&&

Рука с блеском проходится по губам, делая их ярче. Лёгкой рукой поправляю укладку и улыбаюсь отражению в зеркале. Выгляжу весьма неплохо для двадцатитрёхлетней омеги. Кажется, эти четыре года пролетели слишком быстро. За это время произошло много всего: например, весёлый выпускной со всей моей семьёй. Даже успела побыть нянькой у Чимина с Тэмином, нянча альфочку Саран. Побывала и на свадьбе двух моих лучших друзей и узнала, что Сехун наконец-то завоевал сердце Дженни. Умолчу о тяжком обучении в институте музыки и творчества, о ломке голоса от постоянных спектаклей.

Но сегодня самое особенное выступление, ведь я ключевая фигура. На завоевание главной роли ушло очень много времени и сил. Так что трепет, что сейчас обуял душу, отращивает крылья у меня за спиной, возвышая над миром. Снова улыбаюсь своему отражению, расправляю плечи и встаю, идя через коридор и проход к сцене. Она огромна и с прекрасной акустикой, чтобы голос журчал как буйный ручеёк. Начинает звучать музыка оркестра, в зале гасят свет, направляя его на сцену, а я, наполняя лёгкие кислородом, легко бе-

ру первые звонкие ноты. Октавы выходят звонкими и мелодичными. Стараюсь не смотреть в зал, но немного морщусь, когда вижу там знакомое лицо.

Несомненно, это мой постоянный ухажёр с самых моих первых спектаклей. Он сидит с огромным букетом и буравит влюблённым взглядом. Сегодня премьера, поэтому просто отвожу свой взор, прикрывая ресницы. Как только делаю это, в мыслях всплывает тот самый образ. Ифань, чувства к нему, хоть и не такие сильные, до сих пор таятся глубоко внутри души, даруя мне стимул к жизни и море чувств, что ложатся в исполнение этой грустной арии.

Вся постановка длится примерно часа три с одним перерывом, но по привычке всё это проносится незаметно. Благо гримёрку охраняют, поэтому переодеваюсь после спектакля не торопясь и немного отдыхаю, ведь впереди орда фанатов, репортёров и надоедливый Чон Юнхо. Не скажу, что этот альфа плохой человек. Он успешный бизнесмен и ценитель творчества. Но его увлечённость мной уже сидит в глотке. Тяжело убегать от этих ухаживаний, сохраняя обладание и не показывая вздыбленный хвост и торчащие от нервов уши. Но деваться некуда, жить не останешься в филармонии. Надеваю пиджак и чёрные очки, медленно покидая безопасное помещение, и, всем улыбаясь, иду к выходу. Там, конечно же, встречает толпа, и на голову сыплется уйма вопросов и лестных отзывов:

— Госпожа Ким, вы состоите в отношениях?

— Это правда, что вы наследница крупной корпорации?

— Госпожа, вы славитесь очень эмоциональным исполнением. У вас есть трагичная история любви?

Запинаюсь на последнем вопросе, однако нахожу силы ответить коротко и чётко:

— Возможно, я оставлю это на вашу фантазию!

Остальное пропуская мимо ушей, продолжаю молчать и направляться к машине. Но перед ней дорогу преграждает моя главная проблема. Этот мужчина светится от счастья и распространяет аромат шалфея. Сдерживаю упорно гневную улыбку при его виде и не отвечаю на вполне стандартный вопрос в этой ситуации:

— Хиери, может, сегодня ты поужинаешь со мной?

Протянутые же цветы возвращаю ему обратно. А когда чувствую хватку на собственном запястье, почти рычу на него, грозно говоря:

— Уберите руки. Я уже говорила вам, меня не интересуют отношения и вы сами! Так что прошу, угомонитесь.

В машине, за тонированным окном, чувствую себя в безопасности и выдыхаю с облегчением. Очередной день подошёл к концу. Сейчас, уезжая домой по ночному городу, могу немного погрустить. Как обычно, вспоминая любимое, немного светящееся из памяти лицо. Моя вера в нашу встречу тает с каждым новым днём. Могу признать, что наше пересечение было роковым. Оно обрекло меня на то, что однажды я вступлю в брак с тем, кого не буду любить. Ведь уже

раз и навсегда подарила своё сердце Ифаню.

Водитель как всегда молчалив — и это радует, он не спрашивает о причине моих слёз и страданий, просто везёт домой, включая на фоне грустную музыку. Хотя за это бета получает хорошую премию и моё уважение. Отец давно подарил мне отдельную квартиру и дал окончательную свободу, отпустив мысль о женитьбе. За это я благодарна ему как никогда и люблю навещать его большой уютный дом детства.

Из мыслей о прошлом и грядущем вырывает снова телефон, он мой постоянный раздражитель. Отвечаю моментально, видя, что трезвонит мне Бекки. Она же тяжело дышит в трубку и говорит зло:

— Хиери, тащи сюда свой зад, я рожаю и мне нужна лапа помощи!

Улыбаюсь такой новости и тихо, но в приказном тоне прошу водителя:

— Разворачивайтесь, мы едем в роддом, что в больнице Намсан.

Тот улыбается на это и меняет маршрут, петляя по короткой дороге. В родильный зал я влетаю спустя минут двадцать, уже переодевшись в медицинскую сорочку и перехватив камеру у позеленевшего Чанёля.

Бекхёни же при виде меня кривится от боли, но улыбается. У нее глаза блестят от скорой встречи со своим малышом. Даже не могу представить эти чувства, но легко принимаю попытку подруги сломать мне руку своей хваткой. Во время

схваток этот солнечный лучик отчаянно пытается не закрывать, мне остаётся только гладить ее по волосам, параллельно снимая весь процесс. Эта великая битва за новую жизнь длится где-то часа три или четыре, ровно до тех пор, пока не прокалывают пузырь. Дальше даже не успеваю опомниться, как она начинает плакать от облегчения, а палату разрывает звонкий крик младенца.

Мне дают маленького мальчика в руки, ещё окровавленного. Я же медленно передаю его папе, уже ощущая лёгкий запах персика. Воссоединение этих двоих греет мне душу.

Но беспокоит другое. Все мои руки в крови, и мне кажется, что её становится только больше. Следом же идёт слепящая вспышка в мозгу, что приносит неясные картинки.

Два младенца на моих руках, кричащих, только что обратившихся, ищущих полную грудь молока. Прижимаю их крепко к себе и смотрю на альфу.

Крис!

Крис! Ифань...

Все воспоминания наваливаются на меня, оглушая и принося огромный омут боли. С ними в голове несусь к полу, теряя сознание, не в силах принять всю реальность.

Но в этот раз чернота перед глазами не пугает. В этот раз я знаю, чьи это глазки смотрят на меня. Сыновья появляются в моём бреде как яркие солнечные зайчики.

— Мама, мама... — кричат они, заливаясь смехом.

Тянусь к ним, желая уйти следом, догнать, прижать к себе.

Но они убегают и, перебивая друг друга, говорят:

— Тебе нельзя с нами. Но мы скоро будем вместе, поэтому не плачь. Мы любим тебя!

Улыбаюсь на это, плача даже во сне, но отпускаю эти лучики на свет, оставаясь во тьме. В чувство же приводит лёгкая пощёчина. Открываю глаза уже в новой реальности для себя. Помня абсолютно всё, и то, что Ифань стёр мои воспоминания, нашу ночь, что многое показала. Этот альфа, идиот, снова сбежал от своих чувств, бросив меня. Какой же подлый поступок. Спас от всего, подарил будущее и исчез, так и не осознав, что без него счастливой я не стану. Слез попросту нет. Над головой потолок палаты, а рядом Чанэль подмигивает и спрашивает с интригой в голосе:

— Ты так обрадовалась, что в обморок грохнулась?

Улыбаюсь ей и дразню своим ответом:

— Ну а то! Там такой красивый сладкий малыш! В отличие от тебя, я первая его увидела, бе!

Показываю язык, пряча горечь от воспоминаний. Да, теперь я ведь не Хикари, я Хиери, и моя судьба будет другой. Но ждать своего альфу я не перестану ни при каких обстоятельствах. Рано или поздно этот чудик вернётся, всё осознав. Впереди ведь целая вечность, не так ли?

Глава 6: Поёт мне звездный лик

С вернувшимися воспоминаниями жить оказалось не так-то просто, ведь теперь мои сны были наполнены моим альфой. Его зелёные глаза смотрели на меня с трепетом и любовью. Отчего, просыпаясь, я ощущала ледяной холод и одиночество. Однако кажется, мой рок сжалился надо мной: вчера мой директор сказал, что на следующей неделе начинается тур по многим городам, а это значит, мне даётся шанс отыскать Ифаня. Сердце только от одной этой мысли сейчас сходит с ума. Витаю в облаках из-за этого. Даже последний концерт в родном городе пропускаю сквозь себя, даже не замечая. Думаю лишь о встрече, желая снова ощутить любимый аромат.

Иногда мне мерещится Крис. Как и сейчас, я снова вижу его в толпе, зная сердцем, что это лишь иллюзия. Она не отпускает все последующие дни. Душа терзает сама себя от тоски. Отчего к аэропорту я выхожу вся измятая и уставшая — морально и физически. Благо, спасает маска на пол-лица и кепка, что прикрывает глаза. Да и отдельное место в вип-отделе даёт время на лёгкий освежающий макияж и калорийный завтрак для настроения. Лечу я в первый раз, поэтому немного нервничаю, и когда самолет выходит на взлётную полосу, желудок ухаетя куда-то вниз. Но преотвратные желания я сдерживаю, просто закрывая глаза и очищая голову.

По прилёту нас сразу окружают и отвозят в местный отель, где мы быстро, но без суеты расселяемся по комнатам. Первый город нашего тура — это несомненно Франция с её узкими улочками и пристанью.

После разложения вещей тихо ускользаю погулять и поесть вкусных булочек синнабон. На город к этому времени уже опустился вечер, зажигая сотни огней и фонариков, что освещают мой витиеватый путь. Останавливаюсь на ужин и медленно ем, машинально всматриваясь в незнакомых мне людей, изучая черты лица. Ищу его. Но конечно, Ифань так легко не находится, поэтому решаю на своего рода безумство. После еды гуляю до поздней ночи, пешком добираясь до Эйфелевой башни. К моему приходу, кроме охраны, там никого нет, что не мешает мне забраться на самый верх.

Там, стоя под порывами ветра, внюхиваюсь в каждый незнакомый запах, вновь вспоминая минувшее прошлое. В голове слышится неуловимый вой. Знаю, что мне это мерещится, но всё же напрягаю глотку и вою жалобно в ответ. Посылая сигнал Крису, давая знать, что я здесь и жду. Если сейчас альфа в этом городе, он услышит и придёт — в этом нет сомнения. Порывы ветра становятся сильнее, приходится спуститься вниз и поймать такси. На машине добираясь до отеля недолго, меньше чем за полчаса. Там, отогревшись, быстро забираюсь под одеяло и крепко засыпаю под действием снотворного. Сердце стучит бешено, надежда сейчас — только что распустившийся цветок лотоса, что может погиб-

нуть из-за ерунды.

Утро приносит нехилую дозу головной боли. Спасаясь от неё холодным душем и таблетками. Правда, это совсем не помогает: внутри всё же остаётся отдалённая боль, не выходящая и давящая на виски. С ней-то и спускаюсь на репетицию, заранее согревая горло и кутаясь от дождливой погоды города влюблённых в мой зелёный мягкий шарф. Запах альфы из него уже давно выветрился, но даже без этого это самая ценная вещь для меня.

Распевка проходит быстро — даже слишком. Звук у местных филармоний совсем отличается от того, что было дома. Льётся очень чисто, делая мои высокие ноты ещё ярче и лиричней. В зале сейчас царит полутьма, как и на сцене, народ же быстро расходится, оставляя меня в этом пространстве наедине с собой.

Присаживаюсь на лестницу, ведущую в зал к креслам, и, не слыша посторонних звуков, выпускаю на волю погулять хвост и уши. Это приносит облегчение: сдерживать свою сущность столько времени невероятно сложно. Вглядываюсь в резной красивый потолок, а в памяти всплывает очень приятное воспоминание.

Свежий зелёный луг, я лежащая и смотрящая на россыпь звёзд, и самое главное — Крис, мирно дремлющий под боком. Дрожь пробегает по спине, кажется, что, как и тогда, чувствую прохладные капельки росы на моём обнажённом теле. Вздыхаю мечтательно и укладываюсь на твёрдый пар-

кет сцены.

Становится жарко, а душа снова начинает противно ныть. Интересно, если бы я не вспомнила всё снова, было бы ли мне сейчас также больно?.. Ведь всего каких-то три месяца назад Ифань был просто моей первой любовью. Сейчас же он моя жизнь, мой кислород и обоюдоострый меч, который, раня себя, добивает меня.

Сдерживаю капельки слёз, что скапливаются в уголках глаз, стираю их небрежно, припоминая, что реветь нельзя, иначе вечером на сцене будет выступать панда с опухшими глазами. Не этого ждут зрители, жаждущие настоящего искусства.

— Чего же жду я? — шепчу в тишину, прикрывая глаза локтем и пряча свои звериные примочки.

«Чего?.. Жду?» Размышляя о подобном, вздыхаю слишком страдальчески, а потом включаю полёт фантазии. Я жду того, что Ифань забежит на сцену, сцапает меня и унесёт на край света. Ведь с ним не важно, где мне быть, что делать — сама близость к нему делает меня невероятно счастливой.

Мечтательно улыбаюсь и смеюсь, но в этом смехе искорки боли и разочарования. Хорошо, что все мои мучения прерывает директор Чанмин, которая входит в зал и кричит почти что со входа:

— Хиери, хватит валяться! Иди отдохни, вечером будет выступление, ты не должна выглядеть уставшей!

Подскакиваю на месте быстро и взмахиваю рукой забот-

ливой начальнице, идя к ней навстречу, получая интересное предложение:

— Пошли, угощу тебя мегадорогим лобстером на обед. Ты же наша сияющая звёздочка?

— Отлично, госпожа Чанмин. Пойдёт, если это ещё и вы приготовите, то я богу душу продам!

Женщина на мой ответ мягко смеётся, треплет по волосам и тянет за собой. Послушно следуя за ней, усаживаясь в машину. До нужного ресторана доезжаем примерно часа два, утопая в пробках. На месте нас встречает застенчивыми улыбками персонал, заставляя меня посмеяться внутри. Нас вместе почти всегда принимают за красивую пару, и только я знаю некоторые нюансы. Например, то, что директор — женщина-бэта, и весьма удачно скрывает свой пол за деловыми костюмами и короткой стрижкой. С её структурой тела и лицом, умолчу о росте, выходит всё на ура. Нас эта тайна давно сблизила вроде как до подруг, хоть от вежливого обращения я так и не отказалась. Поэтому выглядим мы во время этой кулинарной посиделки не как друзья, а как официальные лица. Но весь официоз сходит на нет, когда на наш столик приносят горячую с идущим паром еду. Любовь к вкусняшкам может легко сблизить двух женщин, учитывая то, что Чанмин — бог готовки, а я обжорка. Конечно, она чаще следит за моей диетой, пиная каждый раз, стоит только набрать хоть один лишний грамм. После закусок женщина напротив всё же решается рассказать истинную причину

этого обеда, спрашивая напрямую:

— Хиери, скажи, что с тобой происходит в последнее время?

Пожимаю плечами, откидываясь на спинку стула, принимая защитную позу, скрещивая руки перед собой. Говорить на болезненную тему мне совсем не хочется, но заботливый взгляд напротив пробивает стену отчуждённости. Вдыхаю глубоко и отвечаю еле слышно, надеясь, что эта женщина не поймёт всю глубину проблемы:

— У меня просто сейчас чёрная полоса. Я должна найти одного очень дорогого мне человека, чтобы спеть ему.

— Это альфа?! — уточняет Чанмин и, видя мой кивок, мягко улыбается и говорит: — Хорошо, я поняла, помогу чем смогу. Ты просто не плачь больше и не смотри таким взглядом, словно сейчас пеплом рассыплешься.

— Я очень постараюсь.

Горячее блюдо мы едим молча, витая каждая в своих облаках. Вот из такой вот неловкой ситуации меня и вырывает настойчивый телефонный звонок. Отвечаю молниеносно, видя номер Джонхена: он звонит мне не так часто, пропадая в своей личной жизни. Упрекнуть мне его не в чем, так что каждый его звонок радует до безумия. Быстро принимаю вызов и вздрагиваю, слыша настороженный голос брата и недоумеваю от его вопроса:

— Хиери, с тобой всё хорошо?

— Да, — отвечаю, немного теряясь, и добавляю: — Я сей-

час во Франции, у нас концертный тур. Что-то случилось дома?

После моего вопроса повисает тягостное молчание. Мне страшно услышать ответ. Свободной от телефона рукой стискиваю скатерть в ладони и немею, когда Джон говорит еле слышно, делая огромные паузы:

— Хиери, понимаешь... нашего Исина вчера очень сильно избили, и теперь... он в коме.

Кажется, перестаю не то что моргать, но и дышать. В груди разливается очаг острой боли. Хлопаю ладонью себе по груди, чтобы прекратилось моё добровольное удушение, лишь потом спрашиваю:

— Кто это сделал? Что за урод?

— Полиция ищет нападающего, у них есть видеозапись. Учитывая агрессию на нашу семью, пожалуйста, не торопись домой. Ты из нас самая незащищённая. Я буду сообщать тебе о состоянии Исина, не нервничай. Мне пора...

Стоит длинным гудкам заполнить слух, как всхлипываю. Внутри разрастается ужасающее предчувствие, больно вздохнуть. Исин, кто мог напасть на него? Он же... он же как одуванчик, невинный! Кулаки сжимаются сами, раня ногтями ладони. Перед глазами мутнеет, погружаюсь в вязкую бездну. Но тут спасает директор, что трясёт меня за плечи, крича на весь ресторан мне прямо в лицо:

— Хиери, что случилось? Приди в себя!

Моргаю пару раз, ощущая дыхание человека напротив, и,

обратив внимание на чужое обеспокоенное лицо, выжимаю из себя фальшивую улыбку, говоря тихо, чтобы не сорваться в истерику:

— Госпожа Чанмин, всё хорошо, просто в семье проблемы.

Женщина-бэта фыркает на такой малоинформативный ответ, а потом бросает небрежно:

— Хватит мне выкать, надоело! Я — Чанмин, и, по-моему, мы друзья! Услышу ещё раз «госпожа Чанмин» или «директор» — тут же лишу премии!

Киваю как болванчик, быстро осушая бокал с белым вином, а после произношу словно скороговорку, натягивая ветровку и завязывая шарф:

— Прости, Чанмин, мне нужно отдохнуть, увидимся вечером.

Она на мою явную ложь понятиливо кивает, не давая достать мне кошелёк и выпроваживая ко входу. Глазами говорю ей: «Спасибо».

Оказываясь же на улице, срываюсь на бег, чтобы не разреваться и не впасть в окончательное отчаяние. «Крис, Крис!» — повторяю без остановки, словно он может помочь в этой ситуации. Нет, конечно. Просто моя израненная душа требует пристанища. Того, в тени которого не будет страхов и разочарований, лишь счастье, вечная белая полоса.

Останавливаю свой забег лишь в родном номере, плюхаясь на кровать и зарываясь носом в подушку.

«Мягко!» — мысль застревает в голове и продолжает свой ход: — «Но так одиноко. До скрежета зубов, до пустоты». В нашем мире много всего: увлечений, людей, но как же мне пусто жить в нём. Теперь же ко всему прочему пострадал ещё и мой любимый брат. Пока я тут, можно сказать, обмениваю своё время на деньги.

Борюсь с собой и чувством вины до самого вечера, ввремя вспоминая, что пора ехать на выступление. Меня у самого входа в отель подбирает такси, сразу понимаю, как Чанмин волнуется за меня. Это чуть-чуть греет сердце. Поэтому решаю выступить сегодня бесподобно ради этой надёжной женщины.

Переодевание, макияж и новая распевка отнимают час времени. В это время зал заполняется зрителями в элегантных костюмах. Радует то, что тут точно не может быть моего постоянного сталкера. Ошибаюсь так конкретно, ибо только софиты освещают большое помещение, в первом же ряду натыкаюсь на знакомую рожу. Мой волк внутри хочет показать свои когти. Но вспоминаю о желании сделать приятно Чанмин. Поэтому прикрываю глаза и начинаю петь свою любимую арию, активно жестикулируя.

После первой песни зал разражается аплодисментами. Мне же чудится в этом переполненном запахами месте тот самый единственный и родной. Не верю в свои ощущения, это совсем не первая моя иллюзия. Начинаю петь, всматриваясь в каждого зрителя, однако это ничего не даёт: все ло-

щёные альфы здесь не сравнятся с красотой моего. Душу вместе со звонкими лиричными гаммами захватывает тоска и разочарование. Хотя всё улетучивается, когда в темноте в самом конце различаю тёмный силуэт. Мужчина, что стоит там, одет больше как хулиган, чем джентльмен. Но его поза выбивает меня из колеи.

Песня прерывается внезапно. Не ощущая пол под ногами, сбегая со сцены и несусь к силуэту. Он же, видя это, начинает двигаться к выходу. Аромат арбуза и хвои усиливается, ощущаю слёзы радости, пусть ещё и не догнала альфу. А Крис быстро выскальзывает за дверь зала, в отличие от меня, ведь мой путь преграждают особо упоротые фанаты, норовящие поцеловать руку или подарить букет. Пытаюсь прорваться через эту пробку, но всё тщетно. Снова, он снова... сбежал от меня. Душа сжимается до размера крупы. Возвращаюсь на сцену на ватных ногах, давая Чанмин знак, что всё хорошо, и снова начинаю петь.

Боль изливается в каждой моей ноте с надрывностью и в одинокой слезе, что скатывается по щеке.

Хорошо, что весь концерт пролетает мимолётно, так как моя сущность зверя не собирается сдаваться. Переодеваюсь быстро, пока не набежал народ, натягивая длинную кофту, что скрывает хвост, и шапочку, что прячет уши на сто процентов. Через чёрный ход выбираюсь из здания, включая обоняние.

— Я найду тебя, идиот ты эдакий! — шепчу немного злоб-

но и быстро ориентируюсь, следуя за любимым ароматом.

Пусть меня и многое отвлекает, например, журчащий желудок, реагирующий на запахи еды. Плюю на всё, дрожа от сильного сердцебиения. Надежда рождается по сути из ничего, я ведь даже толком не видела его лицо. Просто всё внутри кричит, что это был именно он.

Феромон альфы усиливается по мере продвижения, хвост начинает сам по себе дёргаться. Губы сводит от желания поцелуя, даже закусываю нижнюю. Однако мир трещит по швам, когда аромат Ифаня бесследно пропадает. Так, словно из этого парка он попросту упорхнул как птичка. Кручусь по кругу, всматриваясь в прохожих, ища знакомые зелёные глаза.

Сумерки сгущаются над моей головой, от боли в рёбрах складываюсь пополам. Голова начинает сильно кружиться, мысли путаются. Этот бесчувственный чурбан снова сбежал, я не нужна ему. Осознавая это, присаживаюсь на ближайшую лавочку и начинаю рыдать в голос.

«Больно, больно, больно, больно!»

Скандирует мой мозг, раздавая каждому моему органу порцию безысходности. Бью себя по груди, стараясь остановить своё сердце, не понимая, зачем так жить. Всю эту свистопляску прерывает рука на плече, что сжимает до боли.

Поворачиваюсь и замираю, понимая, что передо мной альфа — но не тот, которого я жажду. Это Юнхо, моя персональная головная боль, и взгляд у него недобрый. На ин-

стинктах скольжу дальше по лавочке, стараясь отдалиться так, чтобы между нами была брешь, а у меня — путь к отступлению и побегу. Он, видя мою попытку отстраниться, громко смеётся, почти оглушающе, и честно пугает своими безумными глазами, заявляя злобно и ядовито:

— Ну уж нет, в этот раз ты не сбежишь, зазвездившаяся сучка!

Понимаю, что пора смываться. Соскакиваю с места, но не успеваю сделать и шага, как шею обжигает болью, а разум погружается в чернь бездны.

Понимаю перед полной отключкой: что-то, что ждёт меня дальше, явно не серенады под окном. Страх проникает в каждую клеточку моего тела, ведь я даже не меченая ещё. Что, если этот маньяк решит сделать меня своей?

«НЕТ, НЕТ И НЕТ!» — голосит мой мозг, моя сущность, моя душа. Но всё меркнет в красных всполохах. Мне жаль, жаль до иступления, что я не успела найти тебя, Ифань. Мы обязательно встретимся, даже если это и произойдёт в следующей жизни.